

СВЯЗЬ: СЕРТИФИКАЦИЯ, УПРАВЛЕНИЕ, ЭКОНОМИКА

Век КАЧЕСТВА

4

ЖУРНАЛ ДЛЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ, МЕНЕДЖЕРОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ

2015

НИИ экономики связи и информатики «Интерэкомс»

ВЕК КАЧЕСТВА

Электронное научное издание

2015, №4

Журнал выпускается с 2000 года

<http://www.agequal.ru>

Все статьи, опубликованные в журнале, размещаются в базе
данных Российского индекса научного цитирования

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-38906 от 17 февраля 2010 г.

Адрес редакции: 123423, Москва, ул. Народного Ополчения, дом 32, офис Интерэкомс, каб. 8

Телефоны: +7 (499) 192-84-34, +7 (499) 1928570

E-mail: info@agequal.ru

Сайт: www.agequal.ru

Главный редактор

Мхитарян Юрий Иванович – доктор экономических наук, info@agequal.ru

Заместители главного редактора

Казакова Наталья Евгеньевна – кандидат психологических наук, info@agequal.ru

Тимохина Ольга Владимировна, info@agequal.ru

Web-редактор

Ларин Александр Александрович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аджемов Артем Сергеевич	доктор технических наук
Аслаханов Асламбек Ахмедович	доктор юридических наук, профессор
Басин Ефим Владимирович	доктор экономических наук
Булгак Владимир Борисович	доктор экономических наук, кандидат технических наук,
Викторов Михаил Юрьевич	доктор экономических наук, профессор
Вронец Александр Петрович	кандидат экономических наук
Гусаков Юрий Абрамович	доктор экономических наук
Голомолзин Анатолий Николаевич	кандидат технических наук
Гольдштейн Борис Соломонович	доктор технических наук, профессор
Дворкович Виктор Павлович	доктор технических наук, профессор
Иванов Владимир Романович	доктор экономических наук
Ищенко Наталья Павловна	доктор экономических наук
Кузовкова Татьяна Алексеевна	доктор экономических наук
Колотов Юрий Олегович	доктор экономических наук
Крупнов Александр Евгеньевич	кандидат технических наук
Капинус Николай Иванович	доктор юридических наук, профессор
Макаров Владимир Васильевич	доктор экономических наук, профессор
Могилевский Станислав Дмитриевич	доктор юридических наук, профессор
Мухитдинов Нурсултан Нуридинович	кандидат экономических наук
Мхитарян Александр Юрьевич	кандидат экономических наук
Окрепилов Владимир Валентинович	доктор экономических наук, профессор, академик РАН
Пономаренко Борис Федосеевич	доктор технических наук
Порфирьев Борис Николаевич	доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Пинчук Виктор Николаевич	доктор экономических наук
Руденко Галина Георгиевна	доктор экономических наук
Сагдуллаев Юрий Сагдуллаевич	доктор технических наук, профессор
Стегниенко Любовь Константиновна	кандидат экономических наук, доцент
Тверская Ирина Владимировна	кандидат экономических наук, доцент
Тимошенко Любовь Степановна	кандидат экономических наук
Туляков Юрий Михайлович	доктор технических наук

Подробные сведения о членах редакционной коллегии размещена на сайте журнала: www.agequal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Мхитарян Ю.И. О совершенствовании института саморегулирования в сфере строительства.....	4
Цыганков П.И. Анализ проекта доклада Минэкономразвития России «Об оценке результативности системы саморегулирования, внедренной в отраслях и видах экономической деятельности».....	9
Шубин И.И. Анализ современных подходов к оценке эффективности инновационных проектов...22	
Нанакина Ю.С. Оценка рациональной потребительской деятельности домашних хозяйств через призму общественно значимых критериев.....	33
Войнов Д.А. Санкции как метод политического давления: европейский опыт конкуренции в период доиндустриальной экономики.....	53
Токтоназарова Ч. М., Джумабекова Б. Н. Ответственность за контрабанду в Кыргызской Республике: историко-правовые аспекты.....	74
Козинец А.В. Определение времени поиска подвижного абонента при вызове в сети доступа с распределенным управлением.....	89
Казакова Н.Е. Полипрофессионализм как фактор повышения качества рабочей силы в условиях становления национальной системы профессиональных квалификаций.....	114
Дружинин А.М. Стратегия обмена знаниями в цифровой экономике.....	125

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Мхитарян Ю.И. О совершенствовании института саморегулирования в сфере строительства // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 4-8. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415001.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 342.7

О совершенствовании института саморегулирования в сфере строительства

Мхитарян Юрий Иванович
доктор экономических наук,
академик Международной академии информатизации,
генеральный директор НИИ экономики связи
и информатики «Интерэкомс»,
г. Москва
mkhitarian@interecoms.ru

Аннотация. В статье с позиций проектного менеджмента рассматриваются нормы права, определяющие деятельность саморегулируемых организаций и их членов. Предлагаются варианты изменения норм права, направляющие усилия саморегулируемых организаций и их членов на недопущение причинения вреда и на создание условий для достижения этой цели.

Ключевые слова: саморегулирование; саморегулируемые организации; строительная отрасль; правовое регулирование; имущественная ответственность; компенсационные фонды;

1 декабря 2015 г. на заседании Экспертного совета по градостроительной деятельности при Комитете Госдумы РФ по земельным отношениям и строительству обсуждалась тема: «Совершенствование института саморегулирования в сфере градостроительства»

На фоне стремительных изменений, происходящих в последнее время в мире, приходит все более глубокое осознание значения безопасности каждого человека. Это касается и организация деятельности в строительной отрасли, которая в результате должна обеспечить безопасность для каждого человека в ходе строительства и последующей эксплуатации зданий и сооружений различного назначения.

Строительная отрасль считается наиболее травмоопасной, только в 2015 г. в ней погибло 534 человек. И мы несем ответственность за смерть каждого из них.

Исходя из этого рассмотрим нормы права, определяющие деятельность саморегулируемых организаций и их членов. Давайте посмотрим на них с позиций проектного менеджмента, позволяющего во взаимосвязи рассматривать и анализировать цель, процессы, результат, оценку результатов.

Цель деятельность участников строительной отрасли – предупреждение причинения вреда. Применение проектного менеджмента показывает главное: нормы права должны направлять деятельность участников отрасли на предупреждение причинения вреда, создание условий для достижения этой цели.

Что для этого необходимо сделать? Имущественная ответственность организаций должна начинаться с разработки и реализации программы мер, направленных на предупреждение причинения вреда. В то же время в действующей сегодня системе норм отсутствует норма права, обязывающая разрабатывать и реализовывать программы мер для предупреждения причинения вреда.

Организации - члены саморегулируемых организаций, как и сами саморегулируемые организации, могут быть исключены из реестров за неуплату взносов, а не за то, что они не разрабатывают меры, направленные на предупреждение причинения вреда. Таким образом имущественная ответственность в действующей модели не ориентирована на предупреждение причинения вреда.

Необходимость перемен для обеспечения достижения указанной цели и организации деятельности по предупреждению причинения вреда очевидна.

Важно изменить нормы права таким образом, чтобы они направляли усилия саморегулируемых организаций и их членов на недопущение причинения вреда и создавали условия для достижения этой цели.

В этой связи в Проект поправок к законопроекту № 714996-6 «О внесении изменений в ст.55.10 и 55.16 Градостроительного кодекса Российской Федерации», внесенный Правительством Российской Федерации и принятый Государственной Думой в первом чтении, предлагаются следующие поправки:

- Дополнить часть 1 статьи 55.5 «Документы саморегулируемой организации, имеющей право выдачи свидетельства о допуске к работам, оказывающим влияние на безопасность объектов капитального строительства» пунктом 4) в следующей редакции:
 - 4) «документ, устанавливающий обязательное требование к организации деятельности саморегулируемых организаций и их членов, по разработке и реализации мер по предупреждению причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации».

Реализация этого положения позволит направить деятельность саморегулируемых организаций и их членов на достижение цели, определенной Градостроительным кодексом Российской Федерации, и привести имущественную ответственность в соответствие с поставленной целью.

- Дополнить часть 2 статьи 55.7. «Прекращение членства в саморегулируемой организации» пунктом 7) в следующей редакции:

«2. Саморегулируемая организация принимает решение об исключении из членов саморегулируемой организации индивидуального предпринимателя или юридического лица в случае:

7) несоблюдения членом саморегулируемой организации требований, которые содержатся в документе, устанавливающем обязательное требование к организации деятельности саморегулируемых организаций и их членов, по разработке и реализации мер по предупреждению причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации».

Отсутствие этих норм снижает уровень имущественной ответственности саморегулируемых организаций и их членов. В современных условиях повышение имущественной ответственности обеспечит рост авторитета саморегулируемых организаций и их членов.

В законопроекте определены задачи, касающиеся, в частности, компенсационных фондов саморегулируемых организаций, без решения которых невозможно обеспечить эффективность системы саморегулирования. Практика показала, что размещение средств компенсационных фондов в российских кредитных организациях не дает положительного эффекта для отрасли. Средствам компенсационных фондов необходимо обеспечить полную сохранность.

Достоинство законопроекта состоит в том, что предлагаются нормы права и алгоритм для решения этой задачи.

Первое условие - компенсационные фонды должны быть обособлены от другого имущества. Второе - они должны исключаться из конкурсной массы при банкротстве саморегулируемых организаций. И в данном случае нельзя не признать правильность аргументации и предлагаемого решения.

Но если признается правильность этого решения при банкротстве СРО, то следует признать его правильным и при банкротстве банков. Это так же очевидно, как если $a + b = c$, то $b + a = c$.

Необходимо отметить, что данная проблема более чем актуальна. За 2013-2015 гг. в стране отозваны лицензии у 509 российских банков (2013 г. - 29, 2014 г. - 209, 2015 г. - 271), из них в 2015 г. - 53%.

В отношении одного и того же имущества не должно быть двойных стандартов. Проблему с сохранностью компенсационных фондов в кредитных организациях надо решать на основе тех же норм права, которые предложены в законопроекте относительно саморегулируемых организаций.

Компенсационные фонды должны быть обособленным имуществом, исключаемым из конкурсной массы при банкротстве как саморегулируемых организаций, так и банков.

Профессиональное и экспертное сообщество выражает надежду, что Минстрой России и законодатели примут необходимые меры для повышения эффективности норм права, регламентирующих деятельность саморегулируемых организаций и их членов.

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Цыганков П.И. Анализ проекта доклада Минэкономразвития России «Об оценке результативности системы саморегулирования, внедренной в отраслях и видах экономической деятельности» // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 9-21. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415002.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 330.101.8; 338.242

**Анализ проекта доклада Минэкономразвития России
«Об оценке результативности системы саморегулирования,
внедренной в отраслях и видах экономической деятельности»**

Цыганков Павел Иванович.
кандидат военных наук,
Исполнительный директор
СРО Союз «СтройСвязьТелеком»
Москва, Народного Ополчения, 32
ptsygankov@srocom.ru

Аннотация. Департаментом государственного регулирования в экономике Минэкономразвития России подготовлен проект доклада об оценке результативности системы саморегулирования, внедренной в отраслях в видах экономической деятельности. Проект был предоставлен для обсуждения общественности, в том числе, в саморегулируемые организации.

Аналитики и эксперты Министерства экономического развития проделали огромную работу подготовив серьезный, объемном в 82 страницы аналитический документ, в котором постарались дать официальное видение многих вопросов существования и развития саморегулирование в России.

В данной статье будут рассмотрены материалы, содержащиеся в проекте доклада, подготовленного Департаментом государственного регулирования в

экономике Минэкономразвития России «Об оценке результативности системы саморегулирования, внедренной в отраслях и видах экономической деятельности».

Ключевые слова: взаимоотношение бизнеса и государства; система саморегулирования; профессиональное и предпринимательское сообщество; снижения коррупционных рисков; совершенствования экономической политики; СРО; саморегулируемые организации; лицензирование; государственное регулирование; правовые пробелы; защищенность компенсационных фондов.

В Проекте доклада Минэкономразвития России «Об оценке результативности системы саморегулирования, внедренной в отраслях и видах экономической деятельности» приведен хороший, обстоятельный анализ состояния систем саморегулирования, внедренных в отраслях и видах экономической деятельности, но выводы являются неполными, частично неправильно интерпретирующими или противоречащими полученным результатам анализа, а предложения - не продуманными, вызывающими много вопросов. Но главное - предложения идут вразрез с одним из важнейших принципов взаимоотношений бизнеса и государства, закрепленного в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., с которого начинается сам Доклад: «... На протяжении всего периода реализации административной реформы в Российской Федерации развитие института саморегулирования рассматривалось в качестве одного из ключевых направлений в решении задач совершенствования экономической политики государства, улучшения делового климата, устранения неоправданных административных барьеров и снижения коррупционных рисков. Роль и значимость профессионального и предпринимательского сообществ в успешной реализации таких мер сложно переоценить, и эта значимость в контексте общей

тенденции к развитию и усложнению общественных и рыночных отношений только возрастает».

При хорошо проведенном анализе развития системы саморегулирования и выявленных слабых местах, вместо подготовки предложений по их законодательному и нормативному урегулированию Минэкономразвития России делает неправильные выводы из полученных результатов анализа и предлагает вернуться к системе лицензирования, которая в свое время уже показала свою несостоятельность. Об этом пишут сами разработчики Доклада, характеризуя систему лицензирования как систему, не обеспечившую достижения поставленных целей, имеющую «ключевые недостатки – отсутствие увязки предъявляемых в целях допуска на рынок требований с непосредственным осуществлением деятельности, невозможность организации эффективно функционирующей системы надзора за соблюдением установленных требований и, как следствие, неоднозначное влияние института допуска на рынок на реальный уровень безопасности объектов капитального строительства». Можно только добавить, что из информационно-аналитических докладов, в том числе НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, следует, что систематический анализ состояния законности в сфере лицензирования предпринимательской деятельности позволяет сделать однозначный вывод о его негативной характеристике. О неэффективности работы механизма государственного регулирования отдельных видов деятельности (включая лицензирование) свидетельствуют данные статистики, социологических опросов, материалы контролирующих органов. Кроме того, «при лицензировании затруднена реализация конституционно гарантированной свободы предпринимательства добросовестными участниками рынка. Административная коррупция, включающая взятки с целью получения различного рода разрешений, дискредитирует государственную власть в целом, оказывая деструктивное воздействие на правосознание и защищенность граждан и их объединений», – уверены эксперты НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Не надо драматизировать ситуацию. Процесс становления системы саморегулирования в области строительства, как и любого другого сложного социально-экономического процесса, должен пройти хотя бы один полный цикл своего развития:

- планирование - разработка целей и процессов, необходимых для достижения результатов в соответствии с установленными требованиями;
- внедрение процессов;
- проверка исполнения - постоянный контроль (мониторинг) и измерение процессов в сравнении с политикой, целями и требованиями к процессам и анализ полученных результатов;
- принятие действий по улучшению показателей процессов.

Применительно к системе саморегулирования в области строительства можно сказать, что мы прошли первые два этапа и находимся на третьем этапе: проверка исполнения и анализ полученных результатов.

Для оценки системы саморегулирования, в том числе в области строительства, в Докладе был определен ряд ключевых атрибутивных признаков саморегулируемых организаций, имеющих принципиальное значение с точки зрения достижения основных целей института саморегулирования, которые были поставлены в рамках перехода отдельных видов экономической деятельности от государственного лицензирования к механизмам саморегулирования.

К указанным признакам были отнесены:

- разработка и применение стандартов и правил ведения предпринимательской и профессиональной деятельности;
- использование механизмов обеспечения имущественной ответственности саморегулируемых организаций;
- осуществление саморегулируемыми организациями контроля за деятельностью своих членов;

- развитие и применение механизмов работы с жалобами и внесудебного урегулирования споров.

На выводах по этим четырем признакам необходимо остановиться подробнее.

По первому признаку в Докладе отмечено следующее.

«...Задача разработки стандартов предпринимательской и профессиональной деятельности и, соответственно, повышения качества регулирования отраслей в целом является в рамках перехода от лицензирования к механизмам саморегулирования одной из приоритетных (стр.78).

По информации Национального объединения строителей и Национального объединения проектировщиков, на реализацию программы стандартизации национальными объединениями выделено финансирование в размере более 650 млн. рублей. В рамках указанной программы сформирована (актуализирована) доказательная база «Технического регламента о безопасности зданий и сооружений». Из 78-ми актуализированных Минстроем России сводов правил обязательного применения, Национальным объединением строителей была организована разработка и экспертиза 40 сводов правил, также организована разработка 15 сводов правил добровольного применения. Выполнена значительная работа по переводу, техническому редактированию, сопоставительному анализу по основным показателям и разработке национальных приложений к Еврокодам (55 документов).

В то же время необходимо отметить, что в отношении представленного Минстроем России по результатам указанной работы проекта распоряжения Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 1047-р», подготовлено (в Минэкономразвития России) отрицательное заключение об оценке регулирующего воздействия, направленное в адрес Минстроя России письмом от 28 августа 2014 г. № 20751-ОФ/Д26и и отмечающее в целом крайне

низкий уровень проработки нормативно-технических документов, предложенных к включению в перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (Стр.26-27).

Как здорово поработал Минэкономразвития России! За 23 года после развала СССР впервые НОСТРОЙ взялся за переработку нормативных документов, потратив на это 650 млн. руб., а ему вместо предложений по оказанию помощи в более глубокой проработке документов, их согласованию с соответствующими министерствами и ведомствами и приданию этим документам статуса хотя бы отраслевых нормативных документов, бьют по рукам и предлагают: «Давайте вернемся к системе лицензирования. Правда, денег на разработку нормативных документов у нас как не было, так и не будет. Поэтому работайте без нормативных документов, но зато с государственной лицензией».

Какой вывод из этой ситуации делает Минэкономразвития России? «В ряде отраслей сравнительно большую активность в разработке стандартов профессиональной и предпринимательской деятельности демонстрируют разного рода объединения саморегулируемых организаций, однако зачастую результаты этой работы оказываются неоднозначными». И все! Больше никаких выводов и никаких предложений.

НОСТРОЙ предлагает: «Давайте работать вместе по разработке сводов правил при нашем финансировании». Ему отвечают: «Ничего делать не надо. Давайте вернемся к лицензированию и тоже ничего разрабатывать не будем, так как нет финансирования».

По второму признаку в Докладе отмечено следующее.

«... Важнейшим элементом института саморегулирования является развитие механизмов обеспечения имущественной ответственности саморегулируемых организаций, рассматриваемых в качестве одного из наиболее

значимых достижений при переходе от лицензирования к механизмам саморегулирования.

Эффективность применения механизмов обеспечения имущественной ответственности на сегодняшний день не поддается однозначной оценке. Так, в большинстве отраслей, в которых на сегодняшний день применяются механизмы саморегулирования, сформированы в установленном законодательством порядке компенсационные фонды саморегулируемых организаций и используются механизмы страхования ответственности субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности. Вместе с тем практически полное отсутствие фактов выплат из компенсационных фондов саморегулируемых организаций не дает оснований говорить об эффективности применения указанного механизма. В отдельных отраслях сравнительно более высока частота применения механизма страхования ответственности, т.е., осуществления страховых выплат в связи с причинением ущерба третьим лицам, однако, и данный механизм не демонстрирует повсеместной востребованности».

Вот здесь возникает вопрос: «А может быть практически полное отсутствие фактов выплат из компенсационных фондов саморегулируемых организаций в связи с причинением ущерба третьим лицам позволяет говорить о том, что все-таки достигнута одна из целей саморегулирования в области строительства по предотвращению нанесения ущерба третьим лицам вследствие недостатков работ, выполняемых членами саморегулируемых организаций? Или о том, что саморегулирование в области строительства состоялось должны свидетельствовать арбитражные суды, заваленные исками о возмещении ущерба?»

Есть и другие вопросы, относящиеся к области законодательного регулирования формирования и защищенности средств компенсационных фондов саморегулируемых организаций [2]. В Докладе нет ни одного слова о правовых пробелах в области защищенности компенсационных фондов. Нужны ли вообще

компенсационные фонды, если необходимость их формирования не подкреплена практикой и является камнем преткновения для более широкого вовлечения малого бизнеса в процесс саморегулирования, а также перевода добровольных систем саморегулирования в обязательные системы саморегулирования? Кроме того, в бизнес будут возвращены те самые 70 млрд. руб. компенсационных фондов, которые не дают покоя и Минстрою, и Минэкономразвития, и национальным объединениям, и кредитным организациям, и предпринимателям? Почему об этом в выводах и предложениях Минэкономразвития России ничего не говорится?

По третьему признаку, связанному с осуществлением саморегулируемыми организациями контроля деятельности своих членов, в выводах Доклада отмечено следующее.

«... Переход на принципы саморегулирования предполагает передачу функций по осуществлению контроля за деятельностью участников рынка специально создаваемым контрольным органам саморегулируемых организаций. Эффективная реализация указанной функции является ключевым фактором с точки зрения обеспечения необходимого уровня безопасности производимых участниками отрасли товаров (оказываемых услуг и выполняемых работ) и поддержания добросовестности субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности.

Следует отметить, что формально функции по контролю за деятельностью участников рынка осуществляются во всех саморегулируемых организациях, однако, незначительные риски в части имущественной ответственности СРО или утраты статуса саморегулируемой организации вследствие нарушений требований законодательства (менее 10 случаев исключения СРО из государственных реестров), а также финансовая заинтересованность СРО в сохранении максимально возможного числа членов приводят к тому, что серьезные санкции в виде исключения недобросовестных хозяйствующих

субъектов из членов СРО или приостановления их членства происходят относительно редко. Наиболее распространенным основанием для применения данного вида санкций является неуплата членских взносов в СРО [3,4].

Контрольные мероприятия, проводимые саморегулируемыми организациями в отношении своих членов, зачастую сводятся лишь к проверке исполнения ряда формальных требований законодательства или проверке наличия определенного набора документов».

К сожалению, в выводах не нашли своего отражения данные, приведенные по тексту самого Доклада на стр. 30: «Согласно результатам опроса строительных организаций, проводившегося в интересах Минэкономразвития России в 2013 г., 72% респондентов указали, что в отношении членов СРО проводятся в том числе выездные проверки, 51% респондентов указал, что контроль за деятельностью строительных организаций в рамках системы саморегулирования стал строже по сравнению с лицензионным контролем».

Разработчики проекта доклада скромно умолчали о том, что саморегулируемые организации в области строительства осуществляют плановый контроль деятельности своих членов ежегодно, тогда как в системе лицензирования такой контроль осуществлялся один раз в 5 лет.

В выводах и предложениях по развитию системы саморегулирования авторы Доклада обошли стороной действительно серьезную проблему в области контроля деятельности организаций - членов СРО, связанную с законодательным регулированием вопросов контроля со стороны СРО выполнения требований технических регламентов и сводов правил, перевода этой функции из статуса «СРО могут» в статус «СРО обязаны». Практическая реализация этих функций потребует со стороны СРО значительных финансовых, временных и материальных затрат, связанных с работой экспертов. А эти вопросы никак законодательно не урегулированы и источник восполнения этих затрат один - членские взносы участников системы саморегулирования.

По четвертому признаку в Докладе отмечено следующее.

«Важнейшей функцией саморегулируемых организаций является рассмотрение жалоб на деятельность своих членов и применение механизмов внесудебного разрешения споров между членами саморегулируемыми организациями и третьими лицами. При должной настройке указанных механизмов существенно упрощается процедура компенсации вреда лицам, пострадавшим от недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов.

Вместе с тем, практика внесудебного урегулирования споров не получила должного распространения в рамках института саморегулирования. Созданные или аккредитованные при саморегулируемых организациях третейские суды рассматривают минимальное число дел».

По-нашему мнению, дальнейшее развитие указанной функции - дело времени. Эта функция будет являться все более востребованной по мере роста доверия потребителей к саморегулируемым организациям.

В целом, после внимательного изучения материалов Доклада складывается ощущение, что материалы Оценки деятельности саморегулируемых организаций писали одни специалисты, а выводы и предложения по материалам оценки - другие. Заключительные выводы и предложения проекта Доклада не выдерживают никакой критики:

«...Анализ результатов деятельности саморегулируемых организаций как в «добровольной», так и в «обязательной» сферах указывает на недостаточную эффективность данного института, отсутствие общественно-значимых результатов деятельности СРО и низкую востребованность регулятивных механизмов, сформированных в рамках данного института, потребителями товаров, работ и услуг, предоставляемых членами СРО. Более того, анализ складывающихся в отдельных отраслях и сферах экономической деятельности после введения требований об обязательном членстве участников соответствующих рынков в СРО тенденций указывает на то, что не достигаются

заявленные цели института саморегулирования в части сокращения избыточных административных барьеров и повышения эффективности государственного регулирования экономической деятельности».

В материалах Доклада говорится о том, что требования, предусмотренные законодательством по выдаче свидетельств о допуске к работам, в саморегулируемых организациях выполнены, что повысилась требовательность в вопросах контроля деятельности организаций - членов СРО, что сдвинулась с мертвой точки работа по актуализации нормативной документации в строительстве, что нет исков по возмещению ущерба третьим лицам вследствие недостатков выполнения работ членами СРО.

Но в выводах - все плохо и саморегулирование не состоялось. Выводы необъективны, а предложения неконкретны и тенденциозны. Это свидетельствует о предвзятом отношении Минэкономразвития к системам саморегулирования в целом, а к органам саморегулирования в области строительства - в частности. Либо это исполнение чьего-то заказа.

Ростехнадзор в 2010-2013 г.г. не контролировал деятельность саморегулируемых организаций и способствовал расцвету «коммерческих» СРО - виновато саморегулирование. Вступление в СРО обходится в 500 тыс. руб., при этом 300 тыс. руб. - минимальный взнос в компенсационный фонд, установленный государством, а также расходы на повышение квалификации и обязательную аттестацию, установленные Градостроительным кодексом РФ - виноваты СРО, а органы государственной законодательной и исполнительной власти к этому никакого отношения не имеют. Низкой является эффективность государственного регулирования экономической деятельности - виноваты СРО. Несмотря на упорное сопротивление органов исполнительной власти под давлением национальных объединений саморегулируемых организаций значительно сокращен перечень обязательных административных процедур при выдаче разрешений на строительство и упрощается сама эта процедура, все равно

СРО виноваты в том, что мало давили на Минрегион, Госстрой, Минстрой, Ростехнадзор и т.д.

Что предлагает Минэкономразвития? Разработать Концепцию совершенствования института саморегулирования по внесению изменений в Концепцию совершенствования института саморегулирования, а в области строительства отказаться от обязательного членства в системе саморегулирования либо вернуться к лицензированию. **Давайте снова наступим на первые грабли?**

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект доклада Минэкономразвития России «Об оценке результативности системы саморегулирования, внедренной в отраслях и видах экономической деятельности». Официальный сайт Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/documents/VostrebDocs/>-Дата доступа 02.02.2015
2. Мхитарян Ю.И. Государственная защита компенсационных фондов СРО стройкомплекса // Век качества. 2014. № 2. С. 5-9.
3. Мхитарян Ю.И. Новый уровень саморегулирования // Век качества. 2013. № 2. С. 15-19.
4. Казакова Н.Е. Реализация модели квалификационной аттестации специалистов – строителей в условиях отраслевой саморегулируемой организации //Механизация строительства. 2014. № 10 (844). С. 35-38.

Analysis of the draft of the report of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation "About assessment of effectiveness of the system of self-regulation introduced in branches and types of economic activity"

Pavel I. Tsygankov
candidate of military sciences,
Executive director SRO union «Stroysvyaztelekom»
Moscow, National Militia, 32
[*ptsygankov@srocom.ru*](mailto:ptsygankov@srocom.ru)

Abstract. The department of state regulation in economy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation has prepared the draft of the report on assessment of effectiveness of the system of self-regulation introduced in branches in types of economic activity. The project has been provided for discussion of the public, including, in self-regulatory organizations.

Analysts and experts of the Ministry of Economic Development have done huge work having prepared serious, volume in 82 pages the analytical document in which have tried to give official vision of many questions of existence and development self-regulation in Russia.

In this article the materials which are contained in the draft of the report prepared by Department of state regulation in economy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation "About assessment of effectiveness of the system of self-regulation introduced in branches and types of economic activity" will be considered.

Keywords: relationship of business and state; system of self-regulation; professional and enterprise community; decrease in corruption risks; improvement of economic policy; SRO; self-regulatory organizations; licensing; state regulation; legal gaps; security of indemnification funds.

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шубин И.И. Анализ современных подходов к оценке эффективности инновационных проектов // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 22-32. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415003.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 338.242.2

Анализ современных подходов к оценке эффективности инновационных проектов

***Шубин Игорь Иванович**
кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления
НОУ ВО «Институт управления и права»,
109559, г. Москва, ул. Ставропольская, д. 70, стр. 2
sh559@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем оценки общей эффективности инноваций и поиску путей их решения. Рассмотрены вопросы, связанные с оценкой коммерческой эффективности инноваций. Проанализированы методы расчета эффективности инноваций: метод чистого дисконтированного дохода, метод внутренней нормы доходности, методы индексов доходности, метод срока окупаемости. Дана комплексная оценка достоинств и недостатков как системы этих методов в целом, так и каждого метода в частности.

Ключевые слова: инновация; коммерческая эффективность; метод чистого дисконтированного дохода; метод внутренней нормы доходности; методы индексов доходности; метод срока окупаемости.

В основе принятия управленческих решений по инновационной деятельности лежит не только оценка инновационных качеств предполагаемых объектов внедрения, но и эксплуатационная эффективность этих объектов в процессе их использования. Это касается как общеэкономической (государственной), коммерческой, налоговой эффективности инноваций, так и социальной. Определение значений показателей эффективности инноваций дает возможность оценить целесообразность внедрения рассматриваемой инновации с позиций приемлемости для общества в целом, организации, собственника авторских прав, что является актуальным в инновационном процессе.

Оценка коммерческой эффективности инноваций является наиболее важным звеном в процессе принятия инвестиционного решения. От этих результатов в значительной мере зависит степень внедрения инновации. В свою очередь, объективность применяемых методов расчета эффективности инновации и достоверность получаемых результатов во многом определяют развитие инновационного процесса. В связи с вышесказанным важно рассмотреть существующие методические подходы к оценке эффективности инноваций и определить возможности их применения с целью объективного обоснования управленческих решений, связанных с реализацией инновационных процессов.

Для оценки коммерческой эффективности инновационного проекта традиционно используется система методов оценки эффективности инвестиций. Она представлена в таблице 1[1].

Таблица 1. Методы определения коммерческой эффективности инноваций

Название метода	Формула расчета показателя
-----------------	----------------------------

<p>Метод чистого дисконтированного дохода</p>	$ЧДД(t) = \sum_{t=0}^{t=T} [R(t) - C(t)] \times d(t)$
<p>Метод внутренней нормы доходности</p>	<p>ВНД – такая ставка дисконтирования, при которой ЧДД = 0</p>
<p>Методы индексов доходности. Индексы доходности: - индекс доходности дисконтированных затрат (ИД) - индекс доходности дисконтированных инвестиций (ИДД) Для эффективных проектов ИД, ИДД больше 1)</p>	$ИД = \frac{\sum_{t=0}^{t=T} (R(t) \times d(t))}{\sum_{t=0}^{t=T} (Z(t) \times d(t))}$ $ИДД = 1 + \frac{ЧДД}{\sum_{t=0}^{t=T} (C(t) \times d(t))}$
<p>Метод срока окупаемости инвестиций</p>	<p>Определение периода, в течение, которого первоначальные инвестиционные издержки окупаются (компенсируются) получаемой прибылью</p>

При этом:

$$d(t) = \frac{1}{(1 + N_d)^t} \quad (1),$$

где:

- ЧДД - чистый дисконтированный доход инновационного проекта;
- ВНД - внутренняя норма доходности инновационного проекта;
- R(t) - поступления в t-ом инвестиционном периоде реализации инновационного проекта;
- Z(t) – общие издержки (включая инвестиции) в t-ом инвестиционном периоде реализации инновационного проекта;
- C(t) - инвестиционные издержки в t-ом периоде реализации инновационного проекта;

- $d(t)$ - коэффициент дисконтирования стоимости t -го элемента потока платежей;
- Nd – норма дисконта (в долях единицы);
- t - номер инвестиционного периода реализации инновационного проекта;
- T – жизненный цикл инновационного проекта.

Приведенная выше система методов оценки эффективности инноваций [2] хотя и ориентирована на динамичную рыночную экономику, но, тем не менее, имеет ряд недостатков.

Среди ее достоинств можно выделить:

- международное признание и наличие рекомендации Минэкономки РФ для ее применения в расчетах эффективности инвестиций в реализацию инновационных проектов;
- универсальность – применимость для расчета эффективности инноваций в рамках любой национальной экономики, отрасли.
- комплексность - инновационный проект оценивается комплексно, «со всех сторон», при его оценке применяются показатели, имеющие как абсолютное значение, так и относительное
- учет фактора времени (денежные суммы затраченные/полученные в разные моменты времени не считаются эквивалентными и проходят процесс приведения, что позволяет в дальнейшем их сравнивать.);

Недостатки:

- все показатели функционально зависимы;
- использование метода в расчетах дисконтирования не позволяет использовать показатели ни в каком виде в финансовой и бухгалтерской отчетности

- сложность экономического обоснования величины нормы дисконта, которая, по сути, представляет собой требуемую инвестором доходность на вложенный капитал;
- трудоемкость и специфичность расчетов, что требует как наличия средств вычислительной техники и соответствующего программного обеспечения, так и подготовленных специалистов.

Далее приведена характеристика каждого метода отдельно.

1. Метод чистого дисконтированного дохода (ЧДД). Представляет собой разницу суммы приведенных поступлений и суммы приведенных затрат.

Достоинства:

- рассчитывается с учетом влияния фактора времени на изменение стоимости денег;
- показатель ЧДД – количественный, его значение позволяет дать однозначный ответ об эффективности инновационного проекта при ЧДД большим нулевого значения инновационный проект эффективен для инвестора;
- универсален, поскольку позволяет сравнивать различные по качественным характеристикам инновационные проекты.

Недостатки:

- по своей сути чистый дисконтированный доход не является финансовым показателем, и не может быть использован ни в каком виде в финансовой и бухгалтерской отчетности;
- имеет тенденцию к уменьшению в случае высокого значения нормы дисконта или длительного периода расчета, что не всегда экономически оправдано;
- трудоемкость расчетов методом ЧДД;
- нецелесообразность применения для краткосрочных инновационных проектов.

На практике метод чистого дисконтированного дохода является основным, для оценки эффективности инновационных проектов. Высокое значение показателя ЧДД означает высокую прибыльность инноваций. Субъекты малого бизнеса при принятии решения об инвестировании инновационного проекта ориентируются именно на его величину. [3]

2. Метод внутренней нормы доходности (ВНД). ВНД – такая ставка дисконтирования (норма дисконта), при которой ЧДД = 0.

Достоинства:

- в силу своей специфичности дает возможность сравнить проекты разного масштаба и различной длительности;
- дает инвестору понять «степень прочности» (разница между внутренней нормой доходности и нормой дисконта, с применением которой были рассчитаны показатели коммерческой эффективности инновационного проекта).

Недостатки:

- не учитывает уровень реинвестиций;
- ВНД может быть несколько, возможен также вариант, когда ВНД рассчитать математически невозможно.

Показатель внутренней нормы доходности используется для выбора проекта только в том случае, когда остальные показатели эффективности примерно одинаковы. Кроме того ВНД проектов с использованием интеллектуальной собственности в качестве инвестиционного ресурса, будет низкой. [4]

3. Метод индексов доходности (ИД, ИДД).

Индекс доходности дисконтированных затрат (ИД) - отношение суммы дисконтированных денежных притоков к сумме дисконтированных денежных оттоков.

Индекс доходности дисконтированных инвестиций (ИДД) - отношение суммы дисконтированных элементов денежного потока от операционной деятельности к абсолютной величине дисконтированной суммы элементов денежного потока от инвестиционной деятельности. ВДД равен увеличенному на единицу отношению ЧДД к накопленному дисконтированному объему инвестиций.

Для эффективных проектов эти соотношения должны быть больше единицы.

Достоинства:

- оба индекса позволяют дать однозначный ответ об эффективности инновационного проекта, при их значениях больше единицы проект эффективен;
- оба индекса, по сути, являются рентабельностью и показывают степень прибыльности инвестиций в инновационный проект, инвестору легко понять сколько прибыли/дохода он получает на вложенную денежную единицу;
- оба индекса хороши для оценки прибыльности/доходности краткосрочных проектов.

Недостатки:

- оба индекса не отражают масштаба инвестиций в реализацию инновационного проекта, при этом очевидно, что краткосрочный и маломасштабный проект может (а на практике будет) иметь значительно большие значения этих показателей (эффект масштаба производства – при увеличении объемов которого рентабельность единицы продукции падает, а общая масса прибыли растет);
- как следствие, оба индекса не позволяют оценить масштаб инновации.

Показатели индексов доходности играют решающую роль в оценке краткосрочных проектов, например, финансовых. Однако специфика

инновационных процессов такова, что они, как правило, достаточно рискованны и имеют относительно длительный срок окупаемости. Все это резко сужает рамки использования данных показателей при отборе инновационных проектов для финансирования в случае вариантного выбора.

4. Метод срока окупаемости инновационного проекта.

Сроком окупаемости с учетом дисконтирования называется продолжительность периода от начального момента до "момента окупаемости с учетом дисконтирования". Моментом окупаемости с учетом дисконтирования называется тот наиболее ранний момент времени в расчетном периоде, после которого текущий чистый дисконтированный доход ЧДД становится и в дальнейшем остается неотрицательным.

При оценке коммерческой эффективности инновационного проекта срок окупаемости, как правило, выступает только в качестве ограничения, поскольку инновационный проект может быть реализован, при условии если срок окупаемости (не зависимо от его величины) устраивает всех его участников.

Данный критерий при его использовании имеет множество модификаций и интерпретаций, однако, суть их состоит в определении периода, в течение которого первоначальные инвестиционные издержки окупаются (компенсируются) получаемой прибылью.

Достоинство метода/показателя единственное, и заключается в том, что позволяет сразу отсеивать инновационные проекты неприемлемые по продолжительности для инвестора.

Недостатки:

- не имеет эталонного значения;
- не позволяет учесть будущие доходы :
- ряд проектов может иметь множество моментов окупаемости.

Показатель срока окупаемости является наиболее важным на предварительном этапе выбора инновационного проекта из совокупности проектов для финансирования, либо для принятия решения о реализации отдельного проекта. В обоих случаях он выступает в качестве ограничения: если величина срока окупаемости является неприемлемой для участников какого-либо конкретного инновационного проекта он не подлежит реализации.

Условие эффективности инновационного проекта:

- значение показателя чистого дисконтированного дохода (ЧДД) больше нуля;
- значение показателя внутренней нормы доходности (ВНД) больше нормы дисконта, с использованием которой были рассчитаны показатели эффективности инноваций;
- значения показателей индекса доходности дисконтированных затрат (ИД) и индекса доходности дисконтированных инвестиций (ИДД), больше единицы;
- величина срока окупаемости должна устраивать всех участников инновационного проекта.

Вышеприведенный анализ показывает несовершенство методов определения эффективности инноваций, но именно на основе показателей экономической эффективности инвестиций основаны методы принятия управленческих решений по отбору инновационных проектов для финансирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и отбору их для финансирования (вторая редакция): [Электронный

- ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200005634> (дата обращения 01.02.2015).
2. Шубин И.И. Многокритериальные задачи принятия решений в процессе анализа и отбора инвестиционных проектов для финансирования // Проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. 2014. – с. 48 - 61.
 3. Шубин И.И., Власов А.А. Развитие инновационных проектов как одно из направлений поддержки развития субъектов малого предпринимательства в регионах российской федерации // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: теория, методология, практика. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 2014. С. 182-192.
 4. Шубин И.И., Маменгаев Ю.Н. Методы и проблемы оценки интеллектуального капитала в современных условиях. // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: теория, методология, практика. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 2014. С. 146-156.
 5. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 12.12.2011) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».
 6. Ахмадеев А. М., Валинурова Л. С. Условия и механизмы инновационного развития предприятий: монография - М.: Палеотип, 2012, 146 с.
 7. Бельчик Д. А. Управление решения: практика принятия и оценка эффективности - М.: Лаборатория книги, 2012 - 107 с.
 8. Игонина Л.Л. Инвестиции: Учеб. пособие / Л.Л. Игонина; Под ред. В.А. Слепова. — М.: Юристъ, 2012. — 480 с.
 9. Пугина Л.И. Формирование инновационных систем в современных условиях: [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:

http://www.agequal.ru/doc/magazines/AGE_QUALITY_2_2014.pdf (дата обращения 03.02.2015).

10. Инвестиции: Учеб. пособие /Под ред. М.В. Чиненова. – М.: КноРус, 2011. – 368 с.

Analysis of modern approaches to assessing the effectiveness of innovative projects

Igor Shubin,
*candidate of Sciences (Economics),
Head of the Department of management and governance
Institute of Management and Law,
Moscow
sh559@yandex.ru*

Abstract. the article is devoted to the problems of assessing the overall effectiveness of innovation and the search for solutions. Issues related to assessing the commercial viability of the innovation. Analyzed method of calculation efficiency innovation: clean method discounted income method of internal rate of return methods yield indices, the payback period method. Given a comprehensive assessment of the strengths and weaknesses of these methods in the system as a whole, and each method in particular.

Key words: innovation; commercial effectiveness; NET method discounted income method of internal rate of return methods yield indices; the payback period method.

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Нанакина Ю.С. Оценка рациональной потребительской деятельности домашних хозяйств через призму общественно значимых критериев // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 33-52. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415004.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 330.313

**Оценка рациональной потребительской деятельности домашних хозяйств
через призму общественно значимых критериев**

*Нанакина Юлия Сергеевна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
Заполярный филиал ГАОУ ВО ЛО*

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
663305, Красноярский край, г. Норильск, ул. Московская, д. 18
artamon3@yandex.ru*

Аннотация. Рационализация потребительской деятельности должна базироваться на использовании определенных критериев. Эти критерии должны, во-первых, отражать целевую функцию рациональной потребительской деятельности, определяемую экономическими законами, во-вторых, направленность на экономизацию потребительской деятельности. При оценке степени рациональности потребительской деятельности необходимо учитывать сложности, которые связаны с большой ролью институциональных факторов (традиции, обычаи, особенности национальной психологии, мода и т.п.), субъективных поведенческих моментов. Необходимо учитывать также проблему измеримости подобных критериев. Недостаточность статистической базы, отражающей процессы в сфере потребления, объясняется отчасти слабым развитием статистики потребления, отчасти тем, что количественное измерение многих потребительских процессов затруднено или невозможно. Речь идет о потребностях высокого уровня (потребность в творческой

реализации, социальные потребности), которые играют в современном обществе все более важную роль. В качестве инструментов анализа данных процессов нужно использовать материалы социологических опросов, интервью, метод экспертных оценок, абстрактно-логический анализ. Все это обуславливает трудность (а иногда и невозможность) выделения критериев, имеющих общезначимый характер. Однако с учетом этих обстоятельств, все же можно выделить ряд критериев, позволяющих непосредственно отобразить количественные параметры потребительской деятельности или оценить направленность потребительских процессов, их качественные характеристики, которые и станут объектом исследования в данной статье.

Ключевые слова: потребление; потребительская деятельность; рационализация; потребности; научно обоснованное потребление; время домашнего труда; рациональные нормы; внерабочее время; свободное время; имущественная часть совокупного дохода.

В современных условиях хозяйствования остро стоят вопросы экономии и рационализации всех процессов формирования и развития субъектов экономики, в том числе и домашних хозяйств. Рациональное потребление можно рассматривать в нескольких аспектах:

Во-первых, как потребление, обеспечивающее всестороннее и гармоничное (оптимальное) развитие личности (в этом смысле выражающее общественно полезные потребности).

Во-вторых, как научно обоснованное потребление (акцент на необходимости сближения фактического потребления с потреблением в соответствии с рациональными нормами). Потребительская деятельность на научной основе подразумевает наличие у человека определенного уровня потребительской культуры и сформированной «потребительской квалификации». Потребительская квалификация является необходимым элементом социальной квалификации как особого человеческого ресурса и предполагает целостную систему знаний и умений,

позволяющих применять правильные (научные) образцы в сфере организации процесса потребительской деятельности на базе образовательных процессов.

В-третьих, как такое потребление, когда набор предпочтительных потребностей удовлетворяется с минимальными затратами (акцент на экономии в потреблении).

В-четвертых, как удовлетворение основных потребностей без ущерба для окружающей среды (акцент на экологических ограничениях).

В-пятых, как соразмерное трудовым доходам потребление, организованное при соблюдении моральных и правовых норм (акцент на нравственном аспекте процесса потребления)[3, с. 53].

Оценка степени рационализации потребительской деятельности в обобщенном виде может осуществляться на основе, во-первых, определения соответствия этой деятельности требованиям экономических законов; во-вторых, использования статистических показателей, социологических показателей, экспертных оценок.

Основными направлениями рационализации потребительской деятельности могут стать:

1. Учет в потребительской деятельности требований экономических законов, основных тенденций и противоречий потребительских процессов.
2. Формирование рационального потребительского бюджета домохозяйств, который в свою очередь складывается из бюджета денежных средств и бюджета времени.
3. Определение экономических и неэкономических факторов, влияющих на потребительские процессы (в позитивном и в негативном плане).
4. Учет взаимовыгодного содействия (взаимосвязи) потребительской деятельности домашних хозяйств и производственной деятельности иных субъектов экономики (определение самодостаточности и взаимозависимости домашних хозяйств в организации потребительской деятельности).
5. Образовательная подготовка потребительской деятельности (формирование потребительской квалификации).

6. Учет общественно необходимых норм потребительской деятельности (стандарты, нормы, образцы).

7. Изменение структуры вне рабочего времени в направлении уменьшения времени домашнего труда¹, увеличения свободного времени и особенно той его части, которая предполагает активные формы времяпрепровождения, творчество.

8. Учет национальных и региональных особенностей потребительской деятельности.

Рациональная потребительская деятельность предполагает проведение инвентаризации потребностей и функционально-стоимостной анализ статей расходов на потребление с целью выявления возможных статей экономии и перераспределения в пользу других статей. По мере развития экономики обостряется проблема, связанная с чрезмерным ростом потребления материальных вещей в ущерб потреблению духовных ценностей. В этой связи необходимо говорить о разумной (рациональной) потребительской деятельности, которая предполагает удовлетворение только необходимых потребностей. Важной составляющей рациональной потребительской деятельности является культура потребления и потребительская квалификация, которые предполагают умение отстаивать свои права как потребителя, активное влияние через общественные институты на развитие процессов потребления.

При разработке потребительской политики необходимо учитывать национальные традиции, менталитет народа, который реализует не только экономические стратегии потребления, но и преследует культурные, социальные, национальные и образовательные цели.

1. Степень соответствия экономически обоснованным нормам потребления

Данный критерий предполагает сравнение следующих показателей:

¹ Домашний труд, как отмечалось ранее, не является непосредственно потребительской деятельностью, поскольку он может быть замещен приобретаемыми услугами. Однако рационализация времени домашнего труда является важным фактором рационализации потребительской деятельности, поскольку высвобождает для нее дополнительное время.

- соотношение с величиной прожиточного минимума таких показателей как заработная плата (средняя номинальная, реальная), стоимость потребительской корзины, уровня доходов, социальных трансфертов;

- соответствие нормативному уровню потребления;

- структура минимального набора продуктов;

- соотношение общей калорийности питания;

- возможность составления рационального потребительского бюджета.

Данная проблематика в определенной степени разработана и разработки доведены до уровня количественных оценок в отношении продуктов питания (хотя, конечно, необходимо сделать оговорку об относительной применимости таких единых норм в странах с различными природными условиями, историей и культурой)[4].

К минимальным нормативным показателям также относятся минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и минимальный размер пенсии. МРОТ — законодательно зафиксированный нижний предел заработной платы, устанавливаемый за наименее квалифицированный простой труд. Его величина является точкой отсчета для тарифных сеток ставок заработной платы. Теоретически величина МРОТ должна быть увязана с величиной прожиточного минимума.

Минимальный размер пенсии (пособия, стипендии) представляет собой законодательно зафиксированный нижний предел такого рода социальных трансфертов в денежной форме, выплачиваемых населению. Российское правительство приняло курс на регулярное повышение минимальных заработной платы и пенсии.

Данный критерий также в определенной степени поддается количественному измерению. Так, при уровне доходов ниже прожиточного уровня невозможно обеспечить даже минимально допустимый объем потребностей. Задачей является не рационализация потребительской деятельности, а элементарное выживание.

Рациональное потребление основано на нормах потребления. Норма потребления - это научно обоснованный, целесообразный уровень материальных благ, услуг.

Рациональные нормы потребления человеком продуктов питания устанавливают такие науки, как биология, медицина, исходя из того, сколько белков, жиров, углеводов, витаминов следует потреблять человеку в день. Нормы потребления одежды, обуви, предметов обихода, даже жилья рассчитывают экономисты, а культурных, духовных благ - социологи. Конечно, нормы различаются для взрослых и детей, пенсионеров, мужчин и женщин, горожан и сельских жителей[2, с.122].

Состав минимального набора определяется с учетом:

- научных рекомендаций по минимальным объемам потребления товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности;

- фактического объема потребления в малоимущих семьях;

- состава населения, размера и структуры семей и уровня доходов;

- объективных различий в потреблении в субъектах РФ, определяемых природно-климатическими условиями, национальными традициями и местными особенностями.

Минимальные наборы разработаны по основным социально-демографическим группам населения:

- трудоспособное население - мужчины в возрасте 16-59 лет и женщины в возрасте 16-54 лет, за исключением неработающих инвалидов I и II групп этого возраста (две группы);

- пенсионеры - мужчины в возрасте от 60 лет и женщины от 55 лет, а также лица, получающие пенсию по инвалидности (одна группа);

- дети в возрасте от 0 до 6 лет и в возрасте от 7 до 15 лет. Нормативы потребления продуктов питания в минимальной потребительской корзине дифференцированы по природно-климатическим зонам. По действующей методике таких зон 8, по новой - 16.

По действующей методике определения прожиточного минимума определяется лишь минимальная продуктовая корзина и в процентах к ней вычисляется структура

прожиточного минимума, включающая: 68,3% - расходы на питание, 19,1 - на непродовольственные товары, 7,4 - на услуги, 5,2% - налоги и платежи.

Расходы на непродуктовую часть прожиточного минимума определяются по отношению к продовольственной корзине.

Новой методикой предусмотрен не только минимальный набор продуктовой корзины, но и впервые разработаны минимальные наборы непродовольственных товаров и услуг. Минимальный набор непродовольственных товаров представлен непродовольственными товарами индивидуального пользования (одежда, обувь и школьно-письменные товары для детей) и общесемейного пользования (постельное белье, предметы первой необходимости, санитарии и лекарства, товары культурно-бытового и хозяйственного назначения). Минимальный набор платных услуг включает жилищно-коммунальные, транспортные и другие виды услуг. Минимальные наборы непродовольственных товаров и услуг дифференцированы по трем природно-климатическим зонам с климатом: холодным и резко континентальным; умеренным; теплым.

Оценка нормы материального благосостояния, уровня жизни населения малого города — это синтез а) фактически достигнутого уровня денежных доходов, которые позволили обеспечить текущий уровень потребления товаров и услуг, уровень благосостояния; б) сформировавшихся представлений о желаемом уровне достатка, "нормальном", с точки зрения людей, уровне доходов и потребления, на который реально возможно претендовать в сложившихся социально-экономических условиях малого города. Субъективные оценки благосостояния, которые население высказывает в ходе массовых опросов, это вербально выраженное соотношение между текущим потреблением и сформировавшимися запросами, потребностями населения.

2. Структура потребностей. Доля потребностей высокого уровня, например, связанных с творческой самореализацией. Данный критерий отчасти поддается количественному измерению, когда при проведении социологических исследований использования свободного времени определяют долю затрат времени на различные

виды занятий и тенденцию возрастания (уменьшения) затрат времени на возвышенную деятельность (данные соц. исследований свободного времени). В статистике существует ряд коэффициентов оценки удовлетворения потребностей. Коэффициент удовлетворения потребностей населения по всем потребительским товарам и услугам в агрегатной форме определяется путем сравнения стоимости фактического потребления этих товаров и услуг со стоимостью их нормативного набора. Стоимость нормативного набора рассчитывается исходя из установленных норм потребления в среднем на душу населения (норм, заложенных в нормативный потребительский бюджет) и численности населения.

Выбор формы расчета показателя удовлетворения потребностей населения (агрегатной или средней) обусловлен постановкой задачи исследования. Если учитывать лишь общий коэффициент и оценка всего недопотребления товаров и услуг до нормативного уровня всем населением или в среднем на душу, то выбирается агрегатная форма его расчета. Если представляют интерес индивидуальные коэффициенты удовлетворения потребностей, оценка их отдельного влияния на общий показатель, то выбирается форма коэффициента как среднего из индивидуальных показателей.

Поскольку потребности наши безграничны, не всегда так просто определить набор жизненно необходимых предметов. Для каждой семьи список вещей, которые нужно купить, будет строго индивидуальным, так как у каждой семьи свой уровень доходов и расходов, свои индивидуальные потребности[5].

2. Структура доходов и потребительских расходов домашних хозяйств.

Данный критерий позволяет установить следующие зависимости:

- доля заработной платы, сбережений, социальных трансфертов и сбережений в общей структуре доходов домашних хозяйств;
- доля потребительских расходов на питание, товары длительного пользования, социально необходимые услуги и услуги высшего порядка;
- соотношение величины доходов и уровня расходов (а так же взаимодействие данных показателей в динамике);

- способность к накоплению.

Анализ доходов семьи (домохозяйства) начинается с вычисления общих их уровней, что уже представляет собой сложную экономическую задачу, включающую наряду с вычислительными операциями логическую увязку их результатов. Затем анализируются роль различных источников в формировании доходов, а также факторы, от которых зависят их уровень и структура. Сопоставляются доходы разных социальных групп населения, групп, различающихся по статусу в занятости, составу семей и т.д.

В структуре доходов выделяются следующие основные источники:
1) оплата труда и доход от предпринимательской деятельности, в том числе отдельно оплата труда работающих по найму; 2) пенсии (трудовые и социальные); 3) стипендии; 4) пособия (по видам); 5) дивиденды и выплаты по акциям и другим ценным бумагам, а также доходы от собственности; 6) поступления от страхования; 7) поступления с банковских счетов; 8) поступления от продажи недвижимости (по видам); 9) поступления от продажи акций и других ценных бумаг; 10) поступления от продажи иностранной валюты; 11) кредиты, ссуды, долги; 12) прочие поступления.

Учитывается также остаток денег на начало анализируемого периода – так называемые переходящие суммы.

Названные денежные доходы являются мобильной частью совокупного дохода. Эта часть по усмотрению владельцев расходуется на приобретение различных материальных благ, а также оплату потребительских услуг или может аккумулироваться в виде накоплений.

Доходы, получаемые в виде бесплатных или частично оплачиваемых льгот, бесплатных услуг, потребляемых населением за счет общественных или целевых фондов, являются иммобильной частью совокупного дохода. Они также определяют уровень жизни, но являются строго целевыми, т.е. не могут быть заменены суммой денег, эквивалентной стоимости этих услуг и льгот.

Весьма детально и подробно анализируются статистические данные также с целью изучения направлений использования доходов населением. Укрупненная

структура расходов по целевому назначению включает следующие группы: 1. Покупка продуктов питания и – отдельно – расходы на общественное питание; 2. Покупка непродовольственных товаров, в том числе: а) одежды, белья, обуви, тканей; б) предметов длительного пользования; в) средств гигиены, медикаментов, стройматериалов и т.д.; 3. Денежные расходы а оплату услуг; 4. Прочие расходы; 5. Накопления (счета в банках, покупка ценных бумаг, иностранной валюты и т.д.); 6. Остаток денег на руках[8].

Анализ проводится в разрезе отдельных социально-демографических и доходных групп населения, в территориальном аспекте, а также с использованием детальных стоимостных оценок по видам способом потребления.

Величины доходов и расходов населения не только характеризуют бюджеты семей, но используются, кроме того, для построения балансов денежных доходов и расходов населения и определения показателей счета домашнего хозяйства в системе национальных счетов.

Данный критерий в определенной степени поддается количественному измерению. Однако существуют трудности с определением масштабов деятельности в неформальном секторе экономики, роли этого сектора в удовлетворении потребностей домохозяйств, интерпретацией роли домашнего производства в подготовке и осуществлении потребительской деятельности. По нашему мнению, домашнее производство может быть 1) условием выживания домохозяйств в кризисный период, 2) оказывать на потребительскую деятельность побочное воздействие через использование части результатов семейного бизнеса для собственного использования, 3) элементом «потребления» как постиндустриальной тенденции.

Структура доходов непосредственно связана со структурой потребностей, характеризует возможности удовлетворения потребностей высокого уровня. Так, по мере роста дохода происходит изменение структуры потребительской деятельности, сокращается доля расходов на питание, существенно увеличивается доля расходов на

удовлетворение культурных и нематериальных потребностей (на образование, досуг, лечение и т.п.), не изменяется доля расходов на одежду и жилище (закон Энгеля)².

Потребительские расходы охватывают все текущие расходы на товары и услуги независимо от того, полностью или частично они были оплачены в течение обследуемого периода и предназначались ли они для потребления внутри домашнего хозяйства. Потребительские расходы состоят из расходов на покупку продуктов питания (в том числе расходы на питание вне дома), алкогольных напитков, непродовольственных товаров и расходов на оплату услуг. В их составе не учитываются покупка ювелирных изделий, оплата материалов и работ по строительству и капитальному ремонту жилых или подсобных помещений. Бесплатные услуги по образованию, медицинские и другие услуги в потребительские расходы не включаются.

В программе обследования расходы продуктов питания содержат потребление хлеба и круп, мяса и рыбы, животных жиров и растительного масла, молока и молочных продуктов, яиц, фруктов и овощей, сахара и кондитерских изделий, безалкогольных напитков и пр. Потребление продуктов питания учитывается в натуральных единицах и по стоимости.

Натуральные показатели вычисляются в среднем на душу населения или в среднем на потребительскую единицу. К стоимостным показателям относятся стоимость питания в домашних хозяйствах, которая состоит из денежных расходов на покупку продуктов, предназначенных для личного потребления внутри домашнего хозяйства, расходов на питание вне дома и стоимость натуральных поступлений продуктов питания. Кроме того, используются структурные показатели, отражающие долю расходов на питание в потребительских расходах, структуру расходов по видам продуктов питания, и показатели, характеризующие качество питания: его

² Действие данного закона, сформулированного в 19 веке, отчетливо подтверждают современные статистические данные. Так, в 2009г. доля расходов на питание в структуре расходов домохозяйств составила в США - 9,2%, Великобритании – 12,3%, России – 33,9%, Вьетнаме – 42,6% (Statistical Abstract of the United States. 2009. - С.831

калорийность и содержание белков, жиров и углеводов в потребленных продуктах[6, с.159].

Важным показателем является уровень индивидуального потребления как средний размер потребления на душу населения. Он рассчитывается в виде отношения годового объема потребленных товаров по видам к средней годовой численности населения как в целом, так и по отдельным его социальным группам, группам по доходу, возрасту, характеру занятий, другим признакам (полу, природно-климатическим и социальным условиям). В частности, по полу и возрасту рекомендуется выделять следующие группы населения: от 0 до 6 лет; от 7 до 12 лет; от 13 до 16 лет; от 17 до 29 лет; от 30 до 39 лет; от 40 до 49 лет; от 50 до 54 лет; от 55 до 59 лет; от 60 до 64 лет; от 65 лет и старше.

В потреблении продовольственных товаров наука о питании выделяет 5 групп работников в зависимости от вида их трудовой деятельности: I - занятые преимущественно умственным трудом (руководители предприятий и фирм, специалисты, работники культуры и науки); II - занятые легким физическим трудом (работники сферы обслуживания, продавцы промышленных товаров, медсестры, санитары); III - занятые средним по тяжести трудом (врачи-хирурги, водители транспортных средств, работники общественного питания, продавцы продовольственных товаров и др.); IV - занятые тяжелым физическим трудом (строительные рабочие, основная масса сельскохозяйственных рабочих, плотники, такелажники, горнорабочие, работающие на поверхности, и др.); V - занятые особо тяжелым трудом (шахтеры, сталевары, вальщики леса, землекопы, грузчики, труд которых мало механизирован, и т.д.).

Существенно меняется по группам и нормативная калорийность пищи. Так, если для мужчин в возрасте от 18 до 29 лет норма в группе I составляет 2800 ккал. в сутки, то для группы II - уже 3000; для группы III - 3200; для группы IV - 3700 и группы V - 4300 ккал. Для возрастной группы мужчин от 30 до 39 лет суточная потребность в энергии снижается на 100 ккал., а для группы от 50 до 59 лет она снижается уже на 250 ккал. У женщин потребность в энергии меньше, чем у мужчин,

примерно на 15%, а у людей, ведущих малоподвижный образ жизни, потребность в калорийности пищи ниже средней на 25-30%. Нормы калорийности для пенсионеров - 1900 ккал. Критической же считается калорийность пищи, равная 2000 ккал., или около 8400 кДж (в Международной системе единиц оценка энергетической ценности пищи и расход энергии человека в процессе его жизнедеятельности даются в джоулях: 1 ккал. =4,184кДж).

Помимо потребления товаров и услуг на душу населения применяется расчет и на условную потребительскую единицу, или на эквивалентного потребителя. В качестве таковой признано потребление взрослого мужчины, занятого механизированным трудом. По отношению к нему разработана шкала коэффициентов потребления продовольственных и непродовольственных товаров. Приняты 6 коэффициентов потребления для детей: до 1 года - 0,2; от 1 до 3 лет-0,5; от 5 до 7 лет-0,6; от 7 до 11 лет-0,8; от 11 до 14 лет-0,95; от 14 до 18 лет-0,98 потребительской единицы, а также 4 коэффициента в зависимости от пола, возраста и рода занятий для взрослых: первый - 0,9; второй - 1,0; третий - 1,1; четвертый - 1,2 условной единицы. Так, семья из четырех человек (отец, мать и двое детей в возрасте до 6 и 13 лет) составляет 3,2 потребительской единицы. В международной статистике по Оксфордской шкале такая семья оценивается в 2,7 единицы (первый взрослый принимается за 1, второй взрослый и каждый следующий - за 0,7, каждый ребенок - за 0,5).

Нормы потребления следует воспринимать как ориентиры для потребительских расходов. Каждый потребитель вправе определять, как распорядиться своими деньгами. Многие большую часть средств тратят на питание. Если быть рациональным в потреблении пищи, высвободятся средства для покупки вещей. Излишества в питании приводят к избытку веса, к болезням, то есть к издержкам нерационального распределения потребительских расходов[5, с.155].

Отметим еще раз, что в задачу статистики не входит ни разработка, ни обсуждение норм потребления населением товаров и услуг. Очевидно, что они призваны отражать современные научные представления о потребностях людей. Их

разработка является сложным делом. Но какими бы они ни были, это единственный инструмент оценки удовлетворения потребностей населения. На основе норм потребления отдельных товаров и услуг строится нормативный потребительский бюджет (в расчете на душу населения). Иногда нормативы устанавливаются статистическим путем. Так, международная практика в качестве норматива (эталона) потребления бытовых, жилищно-коммунальных и других услуг использует среднюю геометрическую из данных потребления этих услуг по трем странам с лучшими показателями исходя из того, что средняя геометрическая предпочтительнее средней арифметической в тех случаях, когда изучаемое явление имеет устойчивые темпы роста. Этот же метод можно использовать при оценке уровня потребления услуг по отдельным территориям внутри страны, когда в качестве норматива выступает средняя геометрическая из уровней по трем регионам с лучшими показателями.

Сегодня фактическое потребление в России отстает от рационального. Конечно, нормы не отражают потребностей каждого человека. Прежде всего это происходит из-за недостатка денежных ресурсов и несоответствием выпускаемой продукции, требованиям качества, удобства, моды.

Приблизить ее к таковой можно на основываясь на таких принципах как: принципе аналогий, по которому рациональные нормативы потребления товаров и услуг определяются по данным об уровне и структуре их потребления у "продвинутых" групп населения страны (зарубежных стран), и принципе равнодоступности экономических благ (собственно товаров и услуг), что дает возможность в расчетах нормативов элиминировать влияние фактора производства и предложения благ по территории страны, равно как и фактора дифференциации доходов населения. Совмещение указанных принципов обеспечивает разработку "идеализированной" (усредненной) модели потребления населения. Наряду с такой моделью разрабатываются и дифференцированные рациональные потребительские бюджеты для различных групп населения в зависимости от его профессионального состава, природно-климатических, социально-бытовых, национальных и других факторов.

3. Соотношение потребительской деятельности основанной на покупке и домашнем производстве в общей структуре потребительских процессов домашних хозяйств (доля потребления продуктов собственного производства).

Высокая доля потребительской деятельности, основанной на домашнем производстве может свидетельствовать либо о действии постиндустриальных тенденций (развитие «протребления», по Тоффлеру), либо о натурализации и примитивизации потребительской деятельности (что в наших условиях стало распространенным явлением). Инструментами измерения могут быть в основном данные социологических исследований и экспертные оценки.

В статистике потребления объектом исследования выступают лишь услуги, оказываемые населению, удовлетворяющие потребности человека. Услуги же коллективного характера, удовлетворяющие общественные потребности (в сфере управления, обороны, правопорядка, науки и т. п.), к этой группе не относятся, хотя согласно международным статистическим стандартам они включаются в объем валового выпуска (производства) и потребления (промежуточного и конечного) услуг и отражаются в счетах производства и использования доходов Системы национальных счетов, в том числе и сектора домашних хозяйств.

Не входят в объем производства (и соответственно потребления) домашние и личные услуги, создаваемые членами домохозяйства для собственного конечного потребления, поскольку их производство полностью автономно и не влияет на остальную экономику. К ним относятся: уборка, украшение и техническое обслуживание жилья: приготовление и подача пищи; уход за детьми, воспитание и самообучение; уход за больными, инвалидами и престарелыми; транспортировка членов домашнего хозяйства или их вещей; ремонт и техническое обслуживание потребительских товаров длительного пользования, выполняемые на дому,

В объеме услуг, производимых для собственного конечного использования, учитываются два вида услуг, включаемых по счету производства в общий выпуск товаров и услуг. Это услуги по проживанию в собственном жилище (они оцениваются приближенно, в размере затрат на обеспечение проживания в жилище) и домашние

услуги, производимые наемными работниками (слугами, поварами, садовниками и т.п.). Их стоимость определяется оплатой труда этих работников, включая и все виды компенсаций в натуральной форме (питание, жилье и т. п.).

Различаются услуги материальные (производственные), воплощающиеся в материально-вещественной форме (ремонт одежды, обуви, предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения), и услуги нематериальные, которые проявляются в форме деятельности, удовлетворяющей бытовые, культурные, образовательные, медицинские и другие потребности человека.

Текущая статистика не располагает данными об услугах, оказываемых населению частными лицами. На практике эта информация собирается в результате выборочного обследования семейных бюджетов, программа которого предусматривает статью "Расходы на оплату услуг, приобретаемых у частных лиц". Эта информация распространяется на всю совокупность семей и используется для нужд статистики потребления населения и национального счетоводства[7].

4. Доля свободного времени домашних хозяйств малого города.

Данный критерий предполагает оценку следующих показателей:

- общая структура занятости домашних хозяйств;
- величина свободного времени;
- доля расходов на удовлетворение потребностей в рамках личного времени (рекреационные услуги);
- степень развития структуры досуговых потребностей.

Она характеризует качество потребительской деятельности, степень ее рационализации самым непосредственным образом, показывая соотношение пассивных форм времяпрепровождения (например, просмотр телепередач) и активных форм времяпрепровождения (изобретательство и другие любительские занятия, связанные с творчеством, занятия спортом и т.д.). Инструментом измерения могут быть в основном данные социологических исследований.

Рационализация потребительской деятельности предполагает формирование образовательных, покупательских, сберегательных и других стратегий развития

домохозяйств, ведение семейного бюджета. Источником информации являются в значительной степени научные разработки потребительских проблем в специальной литературе. Сама деятельность базируется при этом на прогнозировании, расчетах. Инструментами измерения могут быть в основном данные социологических исследований, экспертные оценки, анализ специальной литературы[7].

Именно потребительское образование в различных его формах позволяет сформировать компетентного потребителя, обладающего высокой квалификацией, способного активно использовать и развивать научный метод в своей потребительской деятельности. Инструментами измерения могут быть в основном данные социологических исследований, экспертные оценки, анализ используемых в образовательных учреждениях учебных программ.

Результатом оптимального соотношения данных критериев будет достижение максимальной степени соответствия стиля жизни потребителя стилю жизни «продвинутых» социальных групп, представителей наиболее развитых стран. Данный критерий также обладает определенной полезностью в плане характеристики степени рационализации потребительской деятельности. Поскольку в регулировании потребительской деятельности большую роль играет институциональная детерминация (психологического и социального характера), степень ее рационализации в ряде случаев можно оценить только сравнительным образом. Подобный подход, в частности, использовали при характеристике рациональных бюджетов времени[1, с.135].

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы:

Каждое домохозяйство, организуя потребительскую деятельность, руководствуется своим личным интересом, стремится к достижению наилучших результатов из возможных, одним словом, действует рационально. Сложность возникает при попытке оценить и выработать критерии рациональной потребительской деятельности. Определить полную эффективность результата рационального потребительского выбора, включающую денежную и психологическую прибыль, в рамках одной науки невозможно. Инструментарий

экономической теории позволяет оценить рациональность человеческой деятельности в области потребления только с точки зрения ее рыночной составляющей. В этой связи обратимся к проблеме измерения последней, а точнее к методике измерения экономической эффективности потребительской деятельности домохозяйств через ее организацию на научной основе. Это позволит:

- рационализировать человеческие потребности через правильную организацию потребительской деятельности;

- выстроить последовательность этапов (стадий) потребительской деятельности для ее оптимизации;

- определить необходимый набор ресурсов для функционирования и развития потребительской деятельности на основе многофакторного подхода;

- показать конкретные результаты (эффекты) от организации потребительской деятельности на научной основе.

Итак, рациональную потребительскую деятельность можно определить как научно обоснованную потребительскую деятельность, при которой разнообразные растущие потребности удовлетворяются с минимальными затратами.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гордон Л.А., Клопов Э.В. К разработке рационального бюджета времени // Проблемы сферы обслуживания и социального развития. Львов, 1976. – 288с.
2. Кифер И., Бернхард Г. Все о калориях. Азбука питания. М., - 2001.- 288с.
3. Львова М.С., Артамонова Ю.С. Потребление: сущность, закономерности, модели и управление. Шуя., 2009. - С.53.
4. Новиков А.И. Развитие агропродовольственного сектора депрессивного региона в условиях вступления России в ВТО // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2005. - №3.-С.36-47;
5. Симоненко В.Д., Степченко Т.А. Основы потребительской культуры. М. 1998. – 436с.

6. Социальная статистика: учебник /Под ред. И.И. Елисейевой. М.: Финансы и статистика, 2001. – 480с.
7. Специфика потребительской деятельности домашних хозяйств в особых территориальных условиях (на примере малых городов Крайнего Севера) [текст]: монография/Ю.С. Нанакина. – Барнаул: «Си-пресс», 2015. – 129 с.
8. Чернова Т.В. Экономическая статистика. Таганрог. Издательство ТРТУ, 1999.- 256с.

**Assessment of rational consumer activity of households through a prism the
obshchestvennoznachimyykh of criteria**

Nanakina Yu. S.
Candidate of Economic Sciences,
Associate professor of management
ZF GAOU VO LO "Pushkin Leningrad State University"
663305, Krasnoyarsk Krai, Norilsk, Moskovskaya St., 18
artamon3@yandex.ru

Abstract. Rationalization of consumer activity has to be based on use of certain criteria. These criteria have to reflect, first, the criterion function of rational consumer activity determined by economic laws, secondly, an orientation on an ekonomization of consumer activity. At assessment of degree of rationality of consumer activity it is necessary to consider difficulties which are connected with a big role of institutional factors (tradition, customs, features of national psychology, fashion, etc.), the subjective behavioural moments. It is necessary to consider also a problem of measurability of similar criteria. Insufficiency of the statistical base reflecting processes in the sphere of consumption is explained partly by poor development of statistics of consumption, partly that quantitative measurement of many consumer processes is complicated or it is impossible. It is about requirements of high level (the need for creative realization, social requirements) which play more and more important role in modern society. As tools of the analysis of these processes it is necessary to use materials of sociological polls, an interview, method of expert evaluations, the abstract and logical analysis. All this causes difficulty (and sometimes and

impossibility) allocations of the criteria having valid character. However taking into account these circumstances, nevertheless it is possible to allocate a number of the criteria allowing to display directly quantitative parameters of consumer activity or to estimate an orientation of consumer processes, their qualitative characteristics which will become a research object in this article.

Keywords: consumption; consumer activity; rationalization; requirements; evidence-based consumption; time of house work; rational norms; off-duty hours; free time; immobilny part of the cumulative income.

REFERENCES.

1. Gordon L.A., Klopov E.V. K razrabotke ratsional'nogo byudzheta vremeni // Problemy sfery obsluzhivaniya i sotsial'nogo razvitiya. L'vov, 1976. – 288s.
2. Kifer I., Bernkhard G. Vse o kaloriyakh. Azbuka pitaniya. M., - 2001.- 288s.
3. L'vova M.S., Artamonova Yu.S. Potreblenie: sushchnost', zakonomernosti, modeli i upravlenie. Shuya., 2009. - S.53.
4. Novikov A.I. Razvitie agroproduktov'stvennogo sektora depressivnogo regiona v usloviyakh vstupleniya Rossii v VTO // Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal. - 2005. - №3.-S.36-47;
5. Simonenko V.D., Stepchenko T.A. Osnovy potrebitel'skoy kul'tury. M. 1998. – 436s.
6. Sotsial'naya statistika: uchebnik /Pod red. I.I. Eliseevoy. M.: Finansy i statistika, 2001. – 480s.
7. Spetsifika potrebitel'skoy deyatel'nosti domashnikh khozyaystv v osobykh territorial'nykh usloviyakh (na primere malykh gorodov Kraynego Severa) [tekst]: monografiya/Yu.S. Nanakina. – Barnaul: «Si-press», 2015. – 129 s.
8. Chernova T.V. Ekonomicheskaya statistika. Taganrog. Izdatel'stvo TRTU, 1999.- 256s.

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Войнов Д.А. Санкции как метод политического давления: европейский опыт конкуренции в период доиндустриальной экономики // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 53-73. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415005.pdf> (доступ свободный).
Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 339.982

**Санкции как метод политического давления:
европейский опыт конкуренции в период доиндустриальной экономики**

Войнов Дмитрий Александрович

кандидат политических наук,

старший научный сотрудник,

НОУ ВПО Институт управления и права,

109559, г. Москва, ул. Ставропольская, д. 70, стр. 2

voynovd@yandex.ru

Аннотация. В статье, основываясь на исторических фактах, рассматривается проблема применения экономических и идеологических санкций для оказания политического давления на государства в период Средневековья (XII–XVII вв.). Отмечается, что до X в. в политической истории Европы санкции как инструмент давления на оппонентов практически не применялись, что связано с низким уровнем развития экономики. Делается вывод о том, что основной вектор экономических санкций был направлен на политических конкурентов, обладавших значительной военной силой, либо контролировавших важные транспортно–логистические направления международной торговли, а также обладавших преимуществами в добыче определенных ресурсов или технологиями в производстве товаров.

Ключевые слова: санкции; конкуренция; международная политика; Германия; Ганзейский союз; Новгород; Россия; католическая церковь; Римский папа; доиндустриальная экономика; Средневековье

Агрессивная санкционная политика в экономической, политической и гуманитарной сферах, объявленная странами «коллективного» Запада, по отношению к России в 2014 году оправданно стала объектом пристальных исследований в отечественной науке [15; 23; 26]. Основным предметом анализа являются, как правило, последствия «запретительных мер», поиск путей минимизации отрицательного эффекта и выработка альтернативных решений по стимулированию роста российской экономики [8; 20; 24; 25; 28; 29; 30].

В самом общем понимании термин «санкция» означает некую реакцию «субъекта А» на поведение «субъекта В», если действия последнего не соответствуют ожидаемым, т.е. выходят за рамки неких норм, правил или ценностей, которые ранее «субъект А» или оба эти субъекта договорились считать оптимальными и взаимовыгодными (правильными, справедливыми). Санкции по своему характеру могут быть:

1. позитивными, стимулирующими желаемое поведение, например, награды, премии, повышение социального статуса (присвоение дворянского звания);
2. негативными, пресекающими нежелательное поведение, например, штрафы, лишение свободы, анафема, увольнение.

Если рассматривать данные утверждения в политэкономическом ракурсе, перенося действия субъектов на межгосударственный уровень, то необходимо сделать одно важное уточнение о том, что санкция в политическом и экономическом дискурсе, как правило, негативное событие, изолирующее «позитивную» составляющую концепта. Так, в Современном экономическом словаре [18] этот термин определяется как «меры

принудительного воздействия по отношению к нарушителям правил нормального ведения хозяйственной и финансовой деятельности». В политологическом толковом словаре санкции трактуются как «картельные дипломатические, экономические и общественные действия по отношению к государству, нарушившему международное право» [17]. Таким образом, санкции – это меры принуждения, определенного давления на конкретного человека, группу лиц, организацию или государство с целью изменения их действий по отношению к чему-либо или кому-либо – человеку, организации или государству.

По сути, санкции представляют собой промежуточный элемент в управлении конфликтом между инструментами «мягкой» [10, с. 67] и «жесткой» силы. Существование определенной «шкалы силы» санкций – от гуманитарных и дипломатических методов до экономической блокады и угрозы (прямой военной агрессии к субъекту воздействия, – позволяет инициаторам репрессивной политики достигать различных эффектов. В международной практике санкции это вооруженный способ влияния на оппонента, т.е. на некие внутренние процессы, разбалансировка которых позволит изменить ситуацию в лучшую сторону для санкционера. Независимо от форм проявления, подобные действия оппонента ряд исследователей классифицируют как деструктивные коммуникации [4].

Целями санкционной политики выступают:

- 1) принудительное изменение политических приоритетов страны;
- 2) принудительное изменение политического режима в стране, в том числе смещение высшего руководства;
- 3) демонстрация внутренних или внешних политических приоритетов страны-инициатора санкций [1].

Очевидно, что о политике экономических санкций можно говорить в том случае, если имеются ввиду «субъект–субъектные» отношения, в которых участвуют организации или государства обладающие суверенитетом по

отношению к стороне воздействия [3]. В некоторых случаях можно зафиксировать и процессы преобразования субъект–субъектных отношений в субъект–объектные [7]. Подобные санкционные коммуникации имеют более сложный и противоречивый характер, зачастую являясь взаимодействием опосредованным сетевыми информационными ресурсами, специфика формирования которых имеет собственную логику развития [5].

В основе санкционной экономической политики лежит конкуренция, которая, в сущности, есть конфликт интересов субъектов экономической или политической деятельности. Любые действия конкурентов направлены на достижение превосходства над соперниками в доступе к необходимым благам и ресурсам, а также на обеспечение относительно лучших условий существования, функционирования и развития [19]. Например, с начала 1950-х до конца 1990-х гг. в международной практике было зафиксировано более 150 случаев применения экономических и политических санкций. Инициатором большинства из них являлись США или образуемые под их эгидой коалиции [2].

Как форма негативного влияния на поведение какого-либо субъекта отношений, санкции появились в момент образования первых человеческих обществ, связанных общим интересом совместного выживания и развития. Как репрессивная мера воздействия, санкция всегда затрагивала наиболее чувствительные области взаимоотношений между странами и народами. Так, в острых конфликтных ситуациях архаические государства Древнего Востока, отстаивая свои интересы, перекрывали дороги для караванов со значимыми для противника товарами. Одной из первых санкционных кампаний на территории Европы, фиксируемых в письменных источниках, стало, принятое в V в. до н.э. Афинским государством, решение ограничить доступ к своей рыночной и портовой инфраструктуре купцам, которые поставляли продовольствие враждебным Мегарам. Позднее Римская республика вводила

санкции против Карфагена, а Персия периодически блокировала караванные пути для византийских купцов.

В период раннего Средневековья (V–XI вв.), когда уровень развития европейской экономики оставался крайне низким – обмен товарами ограничивался пространством города и прилегающей сельской округи, а само товарное производство осуществлялось в минимальных объемах в ремесленной мастерской – какой-либо осознанной санкционной политики на межгосударственном уровне практически не существовало. Начиная с XI в., с подъемом экономики городов и развитием сельского хозяйства, санкции начинают применяться для ограничения рынков сбыта и доступа к ресурсам. Среди субъектов экономической деятельности первыми «санкционерами» становятся городские цеховые корпорации. Социально-экономическую эффективность их существования отражали два показателя производственной функции: требование монополии на определенный вид производства, а также эгалитарные установки, т.е. равные условия существования, благодаря регулированию качества и количества продукции, использования сырья, способов и размеров сбыта изделий. Подобного рода ограничения были продиктованы, прежде всего, узостью рынка [21, с. 38].

Стремление к обогащению городского патрициата приводит к усилению влияния купеческих гильдий – специальных корпораций ориентированных на расширение рынков сбыта товаров: «возникает потребность в развитии торговых отношений не просто с сельской местностью, прилегающей к городским стенам, а шире, с другими городами и странами». Это объективный процесс, который происходил вопреки «бюргерской цеховщине и мелочности» [32, с. 153]. Купеческие гильдии каждого из городов не могли в одиночку создать условия для безопасной торговли, острота конкуренции между городами достигала таких значений, что были нередки случаи уничтожения товаров на подступах к ярмаркам купцами–конкурентами. Решить проблему позволило объединение городов в торговые союзы. К

такovým можно отнести Рейнский союз городов, который создавался с целью взаимной самозащиты, поддержания всеобщего мира и развития торговли, но просуществовал немногим более года (с 1254 по 1255 гг.).

Одним из первых в истории Европы долгосрочных торгово-экономических объединений стала Ганза. В рамках этого союза в 1299 г. заключается соглашение, в соответствии с которым представители Востока, Гамбурга, Висмара, Люнебурга и Штральзунда «впредь не будут обслуживать парусник того купца, который не входит в Ганзу». Такая санкционная политика дает положительный эффект – к 1367 г. число городов-участников возрастает до 80, а в период расцвета объединения достигает 170. С XIV в. Ганза – коллективный монополист торговых операций в северной Европе – не только определяет правила торговли в акваториях Северного и Балтийского морей, но и активно влияет на расстановку политических сил в пограничных странах. Если в норвежском Бергене ущемлялись интересы и привилегии союза, купцы немедленно объявляли эмбарго на поставки пшеницы в эту страну, каждый раз местные власти капитулировали перед угрозой голода. В 1388 г. Ганза проводит блокаду Брюгге и заставляет подчиниться своим требованиям правительство Нидерландов.

По отношению к русским княжествам – Новгородской республике, Пскову и другим, немецкие купцы придерживались тех же испытанных методов борьбы – эмбарго и блокада [3]. Так, в период XI–XVI вв. из-за неурожая Новгород периодически испытывал дефицит хлеба, чем всегда пытались воспользоваться политические силы, желающие подчинить богатый Новгород: первое свидетельство о «хлебном» эмбарго относится к 1137 г. Наиболее примечательный пример санкций – запрет на торговлю продовольствием с Русью, который вводился Ливонией в 30-е годы XV в. и официально действовал почти 30 лет [22, с. 321—322]. Запреты на хлебную торговлю с Новгородом вводились и в XVI в.: в 1524 и 1527 гг. Ливония, чтобы

вынудить правительство Василия III принять выгодные для нее условия договора, заставляла своих купцов не возить рожь на Русь [16].

В XV в. политика Московских Великих князей по объединению русских княжеств противоречила как желанию независимости у новгородцев, так и интересами иностранных купцов, которым была выгодна политическая автономия Новгорода. Это приводит к ограничению торговли с Московской Русью рядом стратегических «военных» материалов. Например, с 1445 г. были запрещены поставки в Москву меди, бронзы, серебра, свинца, чугуна и проволоки из ливонских городов. В 1498 г. Ливония вводит эмбарго на ввоз пушек, кольчуг, лат и селитры. Примечательно, что огнестрельное оружие на Руси появилось еще в 70–80-е годы XIV в. Первое известие о применении пушек относится к 1382 г., когда с крепостных стен Москвы велся огонь по ордам хана Тохтамыша. При этом ливонский рыцарский орден, считавший себя в военном деле выше других государств, до 1384 г. имел в своем арсенале лишь метательные машины и другие доогнестрельные средства нападения и обороны [9, с. 22–23]. Первые огнестрельные орудия были несовершенны и значительно уступали в эффективности боя, применявшимся тогда метательным машинам, но они в числе первых в международной торговле попадают под различного рода санкции. Как отмечал Ф.Энгельс, «введение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на само ведение войны, но и на политические отношения господства и порабощения» [31, с. 167].

Россия не была единственным государством, против которого в тот или иной момент политической истории объявлялись экономические санкции. С возрастанием у какого-либо европейского монарха или города определенных амбиций идущих в разрез с представлениями о «должном поведении», оппоненты незамедлительно принимали решение о санкциях.

Наиболее могущественной политической и экономической силой в период Средневековья, способной влиять на действия целых стран и народов,

была католическая церковь: церковные правила и христианские догматы являлись всеобъемлющими и имели надгосударственный характер. Обладая фактически неограниченной властью над умами прихожан, распоряжаясь огромными земельными ресурсами, имея централизованную иерархическую структуру управления, церковь могла отстаивать свои интересы и «силой слова», и с помощью военных кампаний (напр., крестовые походы). К середине IX в. развитие теократической доктрины привело к тому, что государственные дела стали рассматриваться римскими папами как один из аспектов деятельности церкви, а понтифики, по сути, становились верховными арбитрами Запада. Папа Иоанн VIII утверждал, что имеет право не только короновать, но и смещать императоров. Одним из самых эффективных санкционных методов воздействия было отлучение от церкви – интердикт, временное запрещение на совершение обрядов и богослужений в тех местностях, городах и даже странах, которые своими действиями нарушили какое-либо предписание Святого престола. Несмотря на то, что интердикт лишь духовный запрет и не касался сферы материального производства, его действенность иногда была даже выше, чем экономическая или военная блокада.

Наиболее характерный случай подобных методов санкционной политики - отлучение от церкви германского императора Генриха IV в период его противостояния с папой Григорием VII из-за вопросов инвеституры архиепископам, епископам и аббатам в немецких землях. Конфликт достигает апогея в 1076 г., когда Генрих IV объявляет о низложении папы, в ответ Григорий VII предаёт его анафеме и объявляет низложенным с трона, а его подданных — свободными от присяги и повиновения ему. Через некоторое время Генрих IV капитулировал, признав себя неправым, «отказался от гордыни» и смирился перед церковью. По мнению, С.Г.Лозинского, в дальнейшем санкции в виде угрозы отлучения исправно делали свое дело. В писаниях Григория VII духовная власть почти ничем не отличается от

политического верховенства. Божья благодать, распоряжаться которой он объявляет своей привилегией, подобно небесному «ключнику» Петру, становится как бы собственностью, вотчиной папы, материализуется [12, с. 105]. Папа Иннокентий III отлучил от церкви сразу трех государей – германского, французского и английского, а на их страны наложил интердикт. Невозможность подданных совершать «жизненно необходимые обряды» – крестить младенцев, вступать в брак или хоронить умерших – серьезно дестабилизировало социально-политическую обстановку в этих государствах.

В конце XII в. папа Александр III добился на Третьем Латеранском соборе принятия экономических санкций к иноверцам. Так Канон 24 запрещал поставки сарацинам (мусульманам) любых материалов, которые те могли бы использоваться для построения флота. Это решение подкреплялось и расширялось следующими папами, влияя на торговые маршруты в Средиземном море.

В 1461 г. на территории Папского государства, в Тольфе, были найдены значительные залежи квасцовых минералов, что, по мнению курии, стало «свидетельством великой божьей милости» и что сам бог дал в руки христиан орудие борьбы с турками. По указанию папы Пия II началась промышленная добыча квасцов. В 1463 г. папа объявляет, что «христиане никогда не должны покупать квасцов у турок и других неверных». В апреле 1465 г. папа Павел II издал первую анафему, касающуюся покупки и продажи квасцов. Он запретил христианам покупать, добывать, экспортировать, импортировать и транспортировать квасцы, добытые в странах «неверных». Согласно тексту, светские и духовные лица, в том числе архиепископы, епископы, патриархи, императоры, короли, герцоги и другие, которые нарушат папское предписание, подлежат «отлучению, анафеме и вечному проклятию». В 1506 г. папа Юлий II вновь издает энциклику против турецких квасцов, текст которой он предписал прибить к дверям каждой церкви во всех христианских странах [27, с. 36-37].

В XV в. начинает складываться европейский рынок как совокупность взаимосвязанных национальных рынков государств, участвующих в международном разделении труда. Средневековый «общий рынок» городов постепенно распадается под натиском первых мануфактурных производств. С появлением мануфактур, отмечал Маркс, различные нации начинают конкурировать между собой, вступают в торговую борьбу, которую ведут с помощью войн, покровительственных пошлин и запретительных систем. Торговля отныне приобретает политическое значение [13, с.50]. В XVI в. логика развития международной торговли объективно приводила к необходимости выработки общих светских правил и норм торгово-производственной деятельности и правового регулирования экономических взаимоотношений государств, включая санкции [11].

В XVI в. Россия уже состоялась как централизованное государство и активно расширяла свое влияние в Европе, что вызывало озабоченность крупных европейских держав, которые начинают реализовывать комплекс «антироссийских санкций», получивших название «меры против Московского царства». Эта политика сопровождалась активной информационной кампанией, призванной опорочить в умах европейцев быт и нрав московитов, природу и условия их жизни. Так называемые «Московские листки» создавали негативный облик Русского государства. Основной целью информационной атаки стала демотивация предпринимателей от идеи экономического сотрудничества с Москвией и установление ресурсной и технологической изоляции страны, что сдержало бы политическое и военное усиление русских. Но и при отсутствии у Московского царства выхода к Балтике, Иван Грозный сумел найти выход из сложной ситуации, прибегнув к опыту Англии. По примеру королевы Елизаветы I, он организовал в бассейне Балтийского моря систему каперства: «официальные» пираты должны были продавать захваченные товары в русских портах и поставлять пушки с захваченных

кораблей. Через некоторое время агрессивная санкционная политика была прекращена [33].

Начиная с XVII в. взаимные санкции и политические конфликты между европейскими государствами сопровождаются не только экономическими ограничениями в торговле, но все чаще подкрепляются демонстрацией военной мощи. С развитием средств массовой информации (книги, пресса) конфронтационную политику в обязательном порядке начинает сопровождать негативная пропаганда против стран-конкурентов [6; 14].

Таким образом, основываясь на исторических фактах, можно констатировать, что применение санкций, начиная с X века, становится распространенной политической и экономической практикой Средневековья. Причинами усиления конфликтности стали подъем городской экономики, развитие сельскохозяйственного производства и окончательная институционализация системы феодальных производственных и политических отношений. Основной вектор экономических санкций был направлен на конкурентов, обладавших значительной экономической или военной силой. Среди наиболее распространенных методов были эмбарго и блокада, кроме этого, существенную роль играли идеологические (религиозные) санкции, по силе и эффективности, не уступавшие самому жесткому экономическому давлению.

Литература:

1. Акулинин В. Н., Елифанова Н. С. Эффективность экономических санкций как инструмента противодействия угрозам международной безопасности. – [Электронный ресурс] – Режим чтения – URL: http://sociosphaera.com/publication/conference/2015/102/effektivnost_ekonomicheskikh_sankcij_kak_instrumenta_protivodejstviya_ugrozam_mezhdunarodnoj_bezopasnosti/

2. Братерский М.В. Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования. – [Электронный ресурс] – Режим чтения - URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/72243652>
3. Войнов Д.А. Экономические интересы Западной Европы и России: опыт конкурентного противостояния Ганзы и Новгорода // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №3. С. 14-33. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/315002.pdf> (доступ свободный).
4. Дружинин А.М. Коммуникации: созидательные и деструктивные // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2010. Т. 55. С. 172-182.
5. Дружинин А.М. Медиатексты в структуре принятия решений // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. № 2.
6. Дружинин А.М. Псевдоистины в системе коммуникативных отношений // Проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. Сборник научных трудов. Москва, 2014. – С. 114-119.
7. Дружинин А.М. Управление смыслами в манипулятивных коммуникациях // Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. Сборник научных трудов. Москва, 2015. – С. 57-66.
8. Кабашова Е.В. О методологических аспектах исследования уровня жизни населения в условиях нестабильности / Е. В. Кабашова // Состояние и перспективы развития экономики в условиях неопределенности: сборник статей Международной научно-практической конференции (29 декабря 2014 г., г. Уфа). -Уфа: Аэтерна, 2014. – С. 79-80.
9. Кирпичников А.Н., Воронин Н.Н., Косточкин В.В., Хлопин И.Н. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси /

-
- Под. ред Н.Н.Воронина // Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. – М., 1958.
- 10.Клинова М., Сидорова Е. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопросы экономики. № 12. – 2014. – С. 67–79.
- 11.Лаптева Е.В. Средневековые антироссийские санкции: к истории вопроса // Актуальные проблемы российского права. 2015. №6 (55) июнь. С.22-27.
- 12.Лозинский С.Г. История папства. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1986.
- 13.Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т.1.- М.: Политиздат, 1985.
- 14.Мартьянов И.Ю. Формирование общественного мнения в условиях военно-политического кризиса // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: теория, методология, практика: Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции. - М.: НОУ ВО «Институт управления и права», 2015. - С. 45-54.
- 15.Мычка С.Ю. Финансовые аспекты введения санкций США и Евросоюза для экономики России // Территория науки. 2014. № 4. С. 51-53.
- 16.Перхавко В. Был ли хлеб всегда в достатке на Руси? // Мастерская историка. Отечественная история. - URL: <http://his.1september.ru/2004/19/4.htm>
- 17.Политика. Толковый словарь. / Общ. ред. И.М.Осадчая – М.:ИНФРА-М, 2001.
- 18.Разберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 1999.
- 19.Рубин Ю.Б. Что такое конкуренция? (Введение в теорию конкурентного поведения) // Современная конкуренция. 2014. №1 (43) с. 101-126.

-
20. Смольянинова И.В., Ахмедов А.Э., Шаталов М.А. Совершенствование маркетинговой деятельности предприятия на основе развития коммуникативной политики // Территория науки. 2015. № 3. С. 129-133.
 21. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века / Н.А.Хачатурян; [отв. ред. Л.П. Репина]; Ин-т всеоб. истории РАН; МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Наука, 2008. – 313с.
 22. Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. – М., 1963.
 23. Шаталов М.А. Формирование системы риск-менеджмента агропромышленного комплекса в условиях политики импортозамещения // Фундаментальные основы современных аграрных технологий и техники. Сборник трудов Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Национальный исследовательский Томский политехнический университет. 2015. – С. 437-439.
 24. Шаталов М.А., Ахмедов А.Э., Смольянинова И.В. Обоснование стратегии диверсификации предпринимательских структур в условиях нестабильности внешней среды // Государственный советник. 2015. № 3 (11). – С. 9-13.
 25. Шаталов М.А., Ахмедов А.Э., Смольянинова И.В. Формирование политики импортозамещения как фактора обеспечения продовольственной безопасности страны // Инновации и продовольственная безопасность. 2015. № 2 (8). – С. 55-59.
 26. Шаталов М.А., Мычка С.Ю. К вопросу о необходимости инновационного развития России в условиях не стабильной внешней среды // Общество и экономическая мысль в XXI в.: пути развития и инновации Материалы III Международной научно-практической конференции. 2015. – С. 268-270
 27. Шейман М.М. Краткие очерки истории папства. – М., 1952.

-
28. Шубин И.И. Особенности управления рисками в инвестиционном проектировании на современном этапе // Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. Сборник научных трудов. Выпуск 1. – М.: НОУ ВО «Институт управления и права», 2015. – С. 84-95.
29. Шубин И.И., Косоруков Е.В. Иностранные инвестиции в нефтегазовую отрасль России // Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. Сборник научных трудов. Выпуск 1. – М.: НОУ ВО «Институт управления и права», 2015. – С.127-136.
30. Шуплецов А.Ф., Буньковский Д.В. Потенциал производственного предпринимательства. – Иркутск, 2012.
31. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М., 1988.
32. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. – М., 1953.
33. Ярхо В.Н. Иноземцы на русской службе. – М.: Ломоносовъ, 2015

**Sanctions as a method of political pressure:
European competition experience in the period of the pre-industrial
economy**

Voinov Dmitry,
Candidate of political sciences,
Senior research associate,
Institute of Management and Law,
109559, Moscow, Stavropolskaya St., 70, p. 2
voynovd@yandex.ru

Abstract. the article based on historical facts, discusses the problem of use of economic and ideological sanctions to exert political pressure on States in the middle Ages (XII–XVII). It is noted that till the X century in the political history of Europe sanctions as a tool of pressure on opponents almost never used due to the low level of economic development. It is concluded that the main vector of economic sanctions were aimed at political opponents who possessed significant military power or controlled an important transport and logistics division of international trade, as well as possessing advantages in the extraction of certain resources or technologies in the production of goods.

Key words: sanctions, competition, Germany, Hanseatic League, Novgorod, Russia, the Catholic Church, the Pope, international politics, pre-industrial economy, middle Ages

REFERENCES:

1. Akulinin V. N., Epifanova N. S. 'Effektivnost' `ekonomicheskikh sankcij kak instrumenta protivodejstviya ugrozam mezhdunarodnoj bezopasnosti [The effectiveness of economic sanctions as a tool to address threats to international security] - [`Elektronnyj resurs] - Rezhim chteniya - URL: http://sociosfera.com/publication/conference/2015/102/effektivnost_ekonomicheskikh_sankcij_kak_instrumenta_protivodejstviya_ugrozam_mezhdunarodnoj_bezopasnosti/
2. Braterskij M.V. Torgovo-`ekonomicheskie sankcii: `effektivnost', cena, problemy ispol'zovaniya [Economic and trade sanctions: effectiveness, price, and usage problems] - [`Elektronnyj resurs] - Rezhim chteniya - URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/72243652>
3. Vojnov D.A. `Ekonomicheskie interesy Zapadnoj Evropy i Rossii: opyt konkurentnogo protivostoyaniya Ganzy i Novgoroda [The economic interests of Western Europe and Russia: experience of a competitive confrontation of

-
- the Hanseatic League and Novgorod] // Vek kachestva [Century quality] 2015, №3 URL: <http://www.agequal.ru/>
4. Druzhinin A.M. Kommunikacii: sozidatel'nye i destruktivnye [Communications: creative and destructive] // Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of Institute of system analysis of Russian Academy of Sciences]. 2010. T. 55. S. 172-182.
 5. Druzhinin A.M. Mediateksty v strukture prinyatiya reshenij [The media texts in the structure of decision-making] // `Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya [Electronic scientific edition Almanac Space and Time]. 2015. T. 9. № 2.
 6. Druzhinin A.M. Psevdoistiny v sisteme kommunikativnyh otnoshenij [Pseudohistory in the system of communicative relations] // Problemy gosudarstvennogo upravleniya, `ekonomiki, yurisprudencii i psihologii [Problems of public administration, Economics, law and psychology] Sbornik nauchnyh trudov. Moskva, 2014. - S. 114-119.
 7. Druzhinin A.M. Upravlenie smyslami v manipulyativnyh kommunikacijah [Managing meanings in manipulative communications] // Aktual'nye problemy gosudarstvennogo upravleniya, `ekonomiki, yurisprudencii i psihologii [Actual problems of public administration, Economics, law and psychology] Sbornik nauchnyh trudov. Moskva, 2015. - S. 57-66.
 8. Kabashova E.V. O metodologicheskikh aspektah issledovaniya urovnya zhizni naseleniya v usloviyah nestabil'nosti [On the methodological aspects of the study of the living standards of the population in conditions of instability] / E. V. Kabashova // Sostoyanie i perspektivy razvitiya `ekonomiki v usloviyah neopredelennosti: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (29 dekabrya 2014 g., g. Ufa). -Ufa: A`eterna, 2014. - S. 79-80.
 9. Kirpichnikov A.N., Voronin N.N., Kostochkin V.V., Hlopin I.N. Metatel'naya artilleriya i oboronitel'nye sooruzheniya Drevnej Rusi [Throwing artillery and defensive structures of Ancient Rus] / pod.red N.N.Voronina // Materialy i

-
- issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and researches on archeology of the USSR] № 77. - M., 1958.
10. Klinova M., Sidorova E. `Ekonomicheskie sankcii i ih vliyanie na hozyajstvennyye svyazi Rossii s Evropejskim soyuzom [Economic sanctions and their impact on economic ties between Russia and the European Union] // Voprosy `ekonomiki [Economic issues]. № 12. - 2014. - S. 67-79.
11. Lapteva E.V. Srednevekovye antirossijskie sankcii: k istorii voprosa [Medieval anti-Russian sanctions: the history of the issue] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]. 2015. №6 (55) iyun'. S.22-27.
12. Lozinskij S.G. Istoriya papstva [The history of the papacy]. - 3-e izd. - M.: Politizdat, 1986.
13. Marks K., `Engel's F. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. V 3-h t. T.1.- M.: Politizdat, 1985.
14. Mart'yanov I.Yu. Formirovanie obschestvennogo mneniya v usloviyah voenno-politicheskogo krizisa [The formation of public opinion in terms of the military-political crisis] // Aktual'nye problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniya: teoriya, metodologiya, praktika: Materialy II Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems of modern humanitarian knowledge: theory, methodology, practice: materials of the II Interregional scientific and practical conference]. - M.: NOU VO «Institut upravleniya i prava», 2015. - S. 45-54.
15. Mychka S.Yu. Finansovyye aspekty vvedeniya sankcij SShA i Evrosoyuza dlya `ekonomiki Rossii [The financial aspects of sanctions the US and EU for Russia's economy] // Territoriya nauki [Area of science]. 2014. № 4. S. 51-53.
16. Perhavko V. Byl li hleb vseгда v dostatke na Rusi? [Whether the bread is always in abundance in Russia?] // Masterskaya istorika. Otechestvennaya

-
- istoriya. [Workshop of the historian. History] - URL:
<http://his.1september.ru/2004/19/4.htm>
17. Politika. Tolkovyj slovar'. [Policy. Dictionary] / Obsch. red. I.M.Osadchaya - M.: INFRA-M, 2001.
18. Razberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. Sovremennyy `ekonomicheskij slovar' [The dictionary of modern Economics]. - 2-e izd., ispr. - M.: INFRA-M, 1999.
19. Rubin Yu.B. Chto takoe konkurenciya? (Vvedenie v teoriyu konkurentnogo povedeniya) [What is the competition? (Introduction to the theory of competitive behavior)] // Sovremennaya konkurenciya [Modern competition]. 2014. №1 (43) s. 101-126.
20. Smol'yaninova I.V., Ahmedov A.`E., Shatalov M.A. Sovershenstvovanie marketingovoj deyatel'nosti predpriyatiya na osnove razvitiya kommunikativnoj politiki [Improvement of marketing activity of the enterprise based on the development of communicative policy] // Territoriya nauki [Area of science]. 2015. № 3. S. 129-133.
21. Hachaturyan N.A. Vlast' i obschestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka [Power and society in Western Europe in the Middle ages] / N.A.Hachaturyan; [otv. red. L.P. Repina]; In-t vseob. istorii RAN; MGU im. M.V.Lomonosova. - M.: Nauka, 2008. - 313s.
22. Horoshkevich A. L. Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoj i Zapadnoj Evropoj v XIV-XV vekah [Trade of Veliky Novgorod with the Baltic States and Western Europe in XIV-XV centuries]. - M., 1963.
23. Shatalov M.A. Formirovanie sistemy risk-menedzhmenta agropromyshlennogo kompleksa v usloviyah politiki importozamescheniya [The formation of the system of risk management of the agroindustrial complex in the conditions of the import substitution policy] // Fundamental'nye osnovy sovremennyh agrarnyh tehnologij i tehniki. Sbornik trudov Vserossijskoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [The

- foundations of modern agricultural technologies and techniques. Proceedings of all-Russian youth scientific-practical conference.] Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij politehnicheskij universitet. 2015. - S. 437-439.
24. Shatalov M.A., Ahmedov A.`E., Smol'yaninova I.V. Obosnovanie strategii diversifikacii predprinimatel'skih struktur v usloviyah nestabil'nosti vneshnej sredy [Substantiation of the strategy of diversification of enterprise structures in conditions of instability of external environment] // Gosudarstvennyj sovetnik [State Advisor]. 2015. № 3 (11). - S. 9-13.
25. Shatalov M.A., Ahmedov A.`E., Smol'yaninova I.V. Formirovanie politiki importozamescheniya kak faktora obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti strany [The policy of import substitution as a factor of food security of the country] // Innovacii i prodovol'stvennaya bezopasnost' [Innovation and food security]. 2015. № 2 (8). - S. 55-59.
26. Shatalov M.A., Mychka S.Yu. K voprosu o neobходимosti innovacionnogo razvitiya Rossii v usloviyah ne stabil'noj vneshnej sredy [To the question about the necessity of innovative development of Russia in conditions of stable external environment] // Obschestvo i `ekonomicheskaya mysl' v XXI v.: puti razvitiya i innovacii Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Society and economic thought in the XXI century: ways of development and innovation proceedings of the III International scientific-practical conference]. 2015. - S. 268-270
27. Shejman M.M. Kratkie ocherki istorii papstva [Brief essays on the history of the papacy]. - M., 1952.
28. Shubin I.I. Osobennosti upravleniya riskami v investicionnom proektirovanii na sovremennom `etape [Risk management in the investment design at the present stage] // Aktual'nye problemy gosudarstvennogo upravleniya, `ekonomiki, yurisprudencii i psihologii [Actual problems of public administration, Economics, law and psychology]. Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 1. - M.: NOU VO «Institut upravleniya i prava», 2015. - S. 84-95.

-
29. Shubin I.I., Kosorukov E.V. Inostrannye investicii v neftegazovuyu otrasl' Rossii [Foreign investment in the oil and gas industry of Russia] // Aktual'nye problemy gosudarstvennogo upravleniya, `ekonomiki, yurisprudencii i psihologii. [Actual problems of public administration, Economics, law and psychology] Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 1. - M.: NOU VO «Institut upravleniya i prava», 2015. - S.127-136.
30. Shuplecov A.F., Bun'kovskij D.V. Potencial proizvodstvennogo predprinimatel'stva [Potential industrial entrepreneurship]. - Irkutsk, 2012.
31. `Engel's F. Anti-Dyuring [Anti-Dühring]. - M., 1988.
32. `Engel's F. Krest'yanskaya vojna v Germanii [The peasant war in Germany]. - M., 1953.
33. Yarho V.N. Inozemcy na russoj sluzhbe [Foreigners in the Russian service]. - M.: Lomonosov`, 2015

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Токтоназарова Ч. М. Джумабекова Б. Н. Ответственность за контрабанду в Кыргызской Республике: историко-правовые аспекты // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 74-88. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415006.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК: 343.359 (575.2)

**Ответственность за контрабанду в Кыргызской Республике:
историко-правовые аспекты**

Токтоназарова Чынара Меймановна,

Кандидат юридических наук,

доцент кафедры менеджмента,

Заполярный филиал ГАОУ ВО ЛО

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

663305, Красноярский край, г. Норильск, ул. Московская, д. 18

chinara076@mail.ru

Джумабекова Бактыгуль Ниязахуновна,

Кандидат юридических наук,

Старший преподаватель кафедры Международного права

Кыргызско-Российский Славянский университета,

Кыргызстан, Бишкек, ул. Тоголок Молдо, 300

chinara076@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-правовым аспектам института ответственности за контрабанду в Кыргызстане, которая излагается автором по следующим этапам: в период Великого Шелкового пути, в период Кокандского ханства и России. Исследованы причины зарождения института ответственности за контрабанду, приведены фактологические и этимологические источники, обосновывающие существование этого института еще заре современной эпохи. Анализируются отдельные элементы системы таможенного управления кыргызов в период Кокандского ханства, что характеризует

взаимообусловленность исследуемого института с наличием государственности у кыргызов. Далее исследуются источники, обосновывающие становление уголовного законодательства Кыргызской Республики в условиях присоединения кыргызов к Российской империи. Отмечается особая роль Российского государства в формировании национального уголовного законодательства отдельного суверенного государства- Кыргызской Республики. С целью исследования возникновения и развития природы правового института ответственности за контрабанду в уголовном законодательстве Кыргызской Республике стоит отразить все исторические этапы возникновения данной правовой категории, что позволит сформировать более объективную и систематизированную картину на данный правовой институт.

Ключевые слова: контрабанда; правовой институт ответственности; таможня; уголовная ответственность; таможенный сбор; пошлина; таможенное право; ответственность за контрабанду; Великий Шелковый путь; тамга тамгалуу – таш; марасид; бекеты; караван-сарай; бажы; салык; жукхана; тариф «промыта»; тамжить; Коммерц-коллегия; Жогорку Кенеш

Для анализа возникновения и развития природы правового института ответственности за контрабанду в уголовном законодательстве Кыргызской Республике, необходимо обратиться к историческим истокам его появления.

Как известно, огромное влияние на развитие кыргызского государства оказало прохождение Великого Шелкового пути, соединявшего народы Востока и Запада многие тысячелетия, через территорию Кыргызстана. Существование международной торговой трассы по центрально-азиатской части Великого Шелкового пути, соединявшего Китай с Византией, позволяло на протяжении многих веков отрабатывать и оптимизировать работу таможенных органов. Общеизвестно, что по Великому шелковому пути протяженностью более чем семь тысяч километров в западные страны сотнями путей экспортировался

китайский шелк. Обрато шли караваны товаров из Рима, Византии, позднее из Европы и Руси, проходили караваны из Индии, Ирана, Арабского Халифата. И если какое-либо государство или город ужесточали таможенные правила, увеличивали таможенные сборы, караваны шли в обход в поисках новых путей, ведь на одной только территории Центральной Азии существовали несколько веток Великого шелкового пути, которые за все время существования претерпели немалые изменения[1]. Тем самым прокладывались новые контрабандные тропы.

Самые первые упоминания о таможенных сборах на Великом Шелковом пути были найдены в арабских письменных источниках VII века. Таможенная пошлина взималась в размере 2 процентов от стоимости провозимого товара, и эта ставка сохранилась до XIX века и почти оставалась неизменной [2].

Само слово «таможня» по одной из основных версий, происходит от древнетюркского слова «тамга», означающего знак собственности, печать повелителя. Тамга у древних тюрков являлась гербом государства, им скреплялись государственные документы. Древнетюркские народы всему скоту, принадлежащему определенному племени ставили клеймо родового знака собственности, который назывался «тамга». Когда скот продавался другим племенам, он подлежал таможенному обложению пошлиной, которая устанавливалась каганом, но могла измениться в ходе горячих споров и долгих договоров перекупщиков. Помимо всего, территории, находящиеся в ведении древних тюркских племен, также ограждались пограничными таможенными камнями- тамгалуу - ташами, что еще раз подтверждает то, что таможня издревле доказывала существование государственности[3].

Во времена Темуридов (XIV-XV вв.) по всему шелковому пути стояли таможни, тогда их называли марасид [1]. Тюрко-монголами была создана система транзитных пунктов – бекетов и караван-сарая, где путешественники могли отдохнуть, сменить лошадей, одежду. С них взимались таможенные пошлины, которые назывались – бажы, а налоги с продаваемого товара – салык. В данных караван сараях находились склады временного хранения – жукхана [1].

Многочисленные источники и труды отечественных ученых позволяют прийти к выводу, что накануне присоединения к Российской империи (который длился с 1865 до 1886 г.) кыргызы входили в состав Кокандского ханства [4], в котором не имелось определенно установленного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за контрабанду.

Общеизвестно, что у кыргызов того периода основными источниками уголовного права являлись нормы шариата и адата. Прежде всего, это Коран [5], сунна [6], иджма [7] и кияс [8], которые содержали предписания ислама и нормы общегражданского законодательства. Эти нормы применялись не только в период Российской империи, но и действовали в первые годы становления советской власти, а также после национально-государственного размежевания республик Средней Азии, вплоть до 1928 г.

Присоединение кыргызов к Российской империи явилось весьма важным событием в исторических судьбах кыргызского народа. Вхождение кыргызских родов в состав мощного Российского государства объективно повлекло за собой известные прогрессивные сдвиги в их жизни.

Для полноты анализа мы обратились к опыту исследования становления и развития института контрабанды, имевшему место в царской России и СССР, в состав которого на протяжении почти 75 лет входила Киргизская ССР, правопреемницей которой является современная Кыргызская Республика.

Ответственность за контрабанду в Кыргызстане имеет свои исторические корни, которые уходят вглубь общемировых процессов, особенно в контексте становления и развития таможенных отношений, связанных с установлением пошлин. Понятие пошлины зародилось в III в. до н. э. в городе Тарифа, в современной Андалусии (Испания), где был определен некий перечень товаров. В него вносилось название товара, его меры измерения, и указана величина сбора (пошлины) за его провоз. Таблица (перечень товаров) систематизировала порядок и величину пошлины и была названа по названию города - Тариф. Впоследствии Таможенный тариф стал эффективным и действенным способом пополнения

казны государств древнего мира - «практически около 80% поступлений в казну шли за счет таможенных пошлин» [9].

Как показали исследования, исторически подтвержденные документы или свидетельства, открывающие первые страницы летописи правил таможенного дела на Руси, возникновения и развития контрабандных правонарушений, до наших времен не дошли. Тем не менее, исторические факты позволяют утверждать о более чем тысячелетнем периоде существования контрабанды на Руси. Первые столкновения с контрабандистами на территории нынешней России произошли во второй половине X в. - во времена княжения в Киеве Владимира Красного Солнышка. Тогда для защиты от проникновения контрабандных товаров вокруг княжества на границе с печенежскими степями была создана сторожевая линия из городков и богатырских застав [10].

Несмотря на то, что о контрабанде знали в Древней Руси уже в X в., но только к XII -XIII вв. ее существование было признано официально. Об этом свидетельствует установление "промыта" (двойной ставки мыта) за провоз или попытку провоза товара ухищренным способом.

В XIV веке на Руси сбор пошлины называли тамга (от башкирского клеймо, печать, тавро, которое применялось при товарно-денежных отношениях для удостоверения права собственника), впоследствии обложение товара пошлиной обозначалось глаголом «тамжить» (от слова «тамга»), а место, где товар «тамжили» называли таможней. Постепенно появились структура таможенных органов («таможенный голова» - старший таможенник) и специальные документы («таможенная грамота» - разрешение на организацию торговли и сбор пошлины с привозимого товара на подответственную территорию [9]. Большое разнообразие таможенных пошлин существовало до середины XVII века, но с того периода основной пошлиной стала рублевая (со стоимости товара).

Таможенные сборы существенно увеличили размеры казны на местах. В первое время они взимались с объема товаров. В дальнейшем при определении

размера пошлин к ним стали включать и цену выставленного на продажу имущества.

С укреплением государственности на территории Руси к концу XV века были упорядочены таможенные сборы, пошлины с иностранцев. Нормами таможенного права стали уставные грамоты, издаваемые князьями-государями. При этом, согласно особым грамотам, освобождались от уплаты пошлин духовенство и люди, особо отличившиеся на службе у государства. В данный исторический отрезок одинаковые таможенные пошлины налагались как на отечественный, так и на иностранный товары.

До XVII века товарооборот внутри страны и промышленное производство из-за чрезмерных таможенных обложений не имели возможностей к росту. Но в середине XVII века по мере укрепления экономического положения, чему во многом способствовало увеличение объемов внутренней и внешней торговли, государство упрочило правовое положение «торгового люда».

Так, в 1649 году принято Соборное Уложение, в 1653 г., введен Таможенный устав. А после принятия в 1667 году Новоторгового устава таможенные налоги взыскивались только золотом и серебром. Иными словами таможенные пошлины приобрели денежную форму.

Следует особо отметить, что постепенно таможенные пошлины стали своеобразным и весьма действенным инструментом политики русского государства во внешнеэкономических отношениях. Свидетельством тому - положения Соборного Уложения 1649 года, где предусматривалась ответственность, в том числе и уголовная, за контрабандный ввоз и продажу товаров, относящихся к монополии государства. Ответственность и наказание за контрабанду товаров предусматривались и по закону 1670 года.

Таможенная служба России претерпела существенную реорганизацию и еще более укрепила свое положение государственного органа в период возрождения государства Российского при Петре I. Так, в 1718 г. им создана Коммерц-коллегия - правительственное учреждение, в функции которого

входило повышение эффективности торговли (внутренней и внешней), и ее представительство за границей. В 1731 г. был принят Морской пошленный устав, целью которого являлось недопущение контрабандного ввоза и вывоза товаров морским путем в обход таможенной службы. Согласно положениям данного устава вводились строгие правила захода торговых судов в морские порты под юрисдикцией Российской империи. Указом 1746 года Россия устанавливает в Балтийском море зону территориальных вод, которые находятся под ее суверенитетом. При этом, интересная деталь, ширина зоны территориальных вод России определялась дальностью пушечного выстрела.

В связи с тем, что таможенные сборы препятствовали расширению торговли, в 1753-1757 годы проводится таможенная реформа, которая отменила все таможенные сборы внутри государства, и увеличила пошлины с российских и иностранных купцов в портовых и пограничных таможнях [11] с перемещением таможенных операций на линию государственной границы.

К началу второй половины XIX в. в России была проведена новая кодификация таможенного законодательства. В ней впервые была закреплена ответственность за уклонение от уплаты таможенных пошлин. Таможенный устав 1819 года привел в единую систему уголовную ответственность за контрабанду. Эти положения в последствии нашли отражение в Уложении о наказаниях 1845 года.

С вводом в 1892 году Таможенного устава русская таможенная служба стала «тамжить», применяя новые более прогрессивные и эффективные меры – основными мерами воздействия стали штраф и конфискация имущества.

Систематически вносились изменения и дополнения в норму об ответственности за уклонения от уплаты таможенных платежей. По Таможенному уставу 1906 г. был введен квалифицирующий признак- рецидив, за которое ужесточалось наказание. В основном за данное преступление предусматривались большие штрафные санкции или удаление контрабандиста с пограничного района на срок до 5 лет.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1910 г. содержало раздел VII, который назывался «О преступлениях и поступках против имущества и доходов казны» куда был включен вопрос контрабанды. За совершение контрабанды предусматривалось наказание в виде лишения всех прав состояния и направления в арестантское отделение на срок от 3,5 до 4 лет. Квалифицирующим признаком контрабанды рассматривалась организованность.

В результате смены государственной власти после октября 1917 г. старая таможенная политика и система таможенных органов царской России была полностью исключена. На заре Советской власти, а впоследствии и во времена военного коммунизма (1917-1921 гг.) таможенной службе в целом и таможенным пошлинам в частности отводилось незначительное место как одному из источников пополнения бюджета государства.

Декретом от 29 декабря 1917 года «О разрешениях на ввоз и вывоз товаров» ввозимые в страну товары без разрешения считались контрабандными и конфисковались таможенными учреждениями. Расследованием контрабанды занималось Государственное Политическое Управление (ГПУ), которое подчинялось Совнаркому РСФСР.

Преступления во внешнеэкономической сфере рассматривали транспортные отделы ВЧК-ОГПУ. Так, постановлением Совета труда и обороны РСФСР от октября 1921 года транспортные отделы ВЧК должны были задерживать всех пассажиров, которые провозили соль сверх установленной нормы и немедленно направлять их в соответствующие судебные органы[12].

3 января 1921 года принимается Декрет СНК «О реквизициях и конфискациях». В данном законе вводятся впервые такие признаки контрабанды: сокрытие товаров, денег и всякого рода предметов от таможенного контроля путем каких-либо ухищрений; сокрытие товаров, денег и всякого рода предметов от таможенного контроля и их тайное перемещение помимо таможенных учреждений. Также впервые дается определение бесхозной

контрабанды, в случае обнаружения которой товары конфисковались в пользу государства.

Развитие законодательства об ответственности за контрабанду нашло закрепление в декрете СНК от 17 октября 1921 года «О порядке реквизиции конфискации имущества частных лиц и обществ». В ней за совершение контрабанды виде промысла при отягчающих обстоятельствах предусматривалась наказание виде высшей меры социальной защиты - расстрел. 1 сентября 1922 года принимается декрет «О таможенной охране», предусматривавший ответственность только за контрабанду, согласно которому к правонарушителю стали применяться санкции в виде конфискации предметов контрабанды и штраф. Таможенные органы рассматривали дела о простой контрабанде в административном порядке.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года относил контрабанду к государственным преступлениям. Согласно декрету ВЦИК от 16 октября 1922 года органы ГПУ были уполномочены применять внесудебную репрессию, что включало в себя и введенную ранее высшую меру – расстрел.

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года послужили базой для принятия нового Уголовного кодекса РСФСР, который был введен с 1 января 1927 года. Данный кодекс действовал до 1960 года и претерпел ряд изменений и дополнений.

В связи с тем, что контрабанда не представляла собой общественной опасности Законом от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» было отменено наказание за контрабанду виде смертной казни.

В дальнейшем Уголовный кодекс 1960 года отнес контрабанду к иным государственным преступлениям, посягающим на основы хозяйственной деятельности Советского государства. В этот период Советский Союз торговлю со всеми государствами осуществляет на основе государственной монополии внешней торговли. Все внешне торговые операции имеет право проводить только государство в плановом порядке и в лице специально на то

уполномоченных органов. Совершение каких-либо внешнеторговых сделок помимо Министерства внешней торговли, Комитета по внешним экономическим связям при Совете Министров СССР или Внешторгбанка не разрешается никаким государственным или общественным организациям, ни тем более, - частным лицам.

Одним из наиболее опасных видов нарушений монополий внешней торговли являлась контрабанда, ответственность за которую наступала по ст. 78 УК. Данная статья давала понятие контрабанды как незаконного перемещения товаров или иных ценностей через государственную границу СССР, совершенное с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманым использованием таможенных и иных документов, либо в крупных размерах, либо группой лиц, организовавших для занятия контрабандой, либо должностным лицом с использованием служебного положения, а равно контрабанда взрывчатых веществ, наркотических, сильно действующих и ядовитых веществ, оружия и воинского снаряжения.

Таможенный кодекс СССР 1964 года в п. «а» ст.100 определяет контрабанду как перемещение грузов (товаров, ценностей или иных предметов) помимо таможенных учреждений с нарушением требований Таможенного кодекса или хотя и через таможенные учреждения, но с сокрытием от таможенного контроля, а также совершение всякого рода подготовительных к этим нарушениям действий.

Уголовный кодекс Киргизской Республики 1960 года в ст.72 дает аналогичное определение контрабанды [13]. В главе X «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК были включены составы преступлений, связанных с наркотическими средствами. Теперь ответственность за контрабанду наркотических средств предусматривалась в разделе «Преступления, посягающие на советскую денежную и кредитную систему и монополию внешней торговли». Согласно п.6 ст. 72 УК Киргизской ССР наступала ответственность за контрабанду взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, оружия и воинского снаряжения.

Оконченной контрабанда наркотических средств признавалась в случае фактического перемещения предметов через государственную границу, как в Советский Союз, так и при выезде из пределов СССР. Попытка контрабандного вывоза наркотических средств образовывала покушение на контрабанду.

В конце 80-х-начале 90-х годов в Советском Союзе происходят коренные политические, экономические и социальные изменения и потрясения, переход от принципов централизованного планового хозяйствования к рыночным отношениям. Все эти преобразования потребовали законодательного закрепления новых жизненных реалий. 11 декабря 1989г. Постановление Совета Министров СССР юридически провозгласило отход от принципа государственной монополии внешней торговли и поставило задачу формирования новой таможенной политики, нового механизма таможенного контроля. Поскольку Таможенный кодекс СССР 1964г., принятый по стандартам командно-бюрократической системы, уже перестал соответствовать существующим реалиям, в 1991г. был принят новый ТК СССР, который стал логическим завершением внешнеторговой реформы, начатой в 1986г.

ТК СССР 1991г., как показала практика, был разработан на старых принципах административно-командных методов ведения внешнеэкономической деятельности и таможенного дела, хотя и подразумевалось, что будет принят с учетом проводимых в стране преобразований.

Постановлением Верховного Совета Республики Кыргызстан № 934 от 2 июля 1992 г. «О введении в действие Таможенного кодекса Республики Кыргызстан» был принят таможенный кодекс, в котором Кыргызстан в новых политических и экономических реалиях предпринял первые меры к регулированию своей внешнеэкономической деятельности. В дальнейшем, учитывая складывающийся курс и динамику общественных отношений внутри страны, которые приобретали твердый характер рыночных, Президентом КР подписан Закон КР «О введении Таможенного кодекса Кыргызской

Республики», принятый Законодательным Собранием Жогорку Кенеша КР 28 мая 1997 г.

И уже 13 апреля 2004 г. Законодательное Собрание Жогорку Кенеша КР принимает ныне действующий Таможенный кодекс, рассчитывая, что он будет действительно эффективным инструментом регулирования внешнеэкономических отношений, что в сумме с другими мерами привело бы к стабилизации кыргызской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана.-Б.: Шам, 1996. – 358с.
2. Бедеров И. Из материалов Музея пограничной службы. [Электронный ресурс]. режим доступа: // www.2002.novayagazeta.ru 9 (дата обращения 13.02.2012)
3. В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). -Москва,1985.- 388с.
4. Ибрагимов Т.К. Таможенное дело: учебник -Б.: КНУ.-2009.- 210 с.
5. Искаков П.. Из истории таможенного дела КР.- Бишкек.- 2003.- 365с.
6. Кисловский Ю. Г. История таможни государства Российского. - М., 1995.- 456 с.
7. Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. - Бишкек, 2000.- 369с.
8. Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР.- Фрунзе: «Мектеп», 1965. – 310 с.
9. Кожоналиев С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до октябрьской революции (1850 – 1917 г.). - Фрунзе, 1963.-451 с.
10. Российское законодательство X – XX веков: Тексты и комментарии: В 9-ти томах / Под ред. и с предисл. О.И. Чистякова. – Т. 3: Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное Уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов (Отв. ред. А.Г. Меньков). – М.: Юрид. лит. – 1985. – 511 с.
11. УК Киргизской ССР. – Фрунзе, 1960.- 568с.

Responsibility for smuggling in the Kyrgyz Republic: the historical and legal aspects

Toktonazarova Chynara Meymanovna,
Candidate of Law Sciences,
Associate professor of management,
Associate professor of management
ZF GAOU VO LO "Pushkin Leningrad State University"
663305, Krasnoyarsk Krai, Norilsk, Moskovskaya St., 18
[*chinara076@mail.ru*](mailto:chinara076@mail.ru)

Dzhumabekova Baktygul Niyazakhunovna,
Candidate of Law Sciences,
Senior teacher of department of International law
Kyrgyz Russian Slavic University,
Kyrgyzstan, Bishkek, Togolok Moldo St., 300
[*chinara076@mail.ru*](mailto:chinara076@mail.ru)

Abstract. Article is devoted to historical and legal aspects of institute of responsibility for smuggling in Kyrgyzstan which is stated by the author on the following stages: in the period of the Great Silk way, in the period of the Kokand khanate and Russia. The reasons of origin of institute of responsibility for smuggling are investigated, the factual and etymological sources proving existence of this institute still to a dawn of a modern era are given. Separate elements of system of board of customs of Kyrgyz in the period of the Kokand khanate are analyzed that characterizes interconditionality of the studied institute with presence of statehood at Kyrgyz. Further the sources proving formation of the criminal legislation of the Kyrgyz Republic in the conditions of joining of Kyrgyz to the Russian Empire are investigated. The special role of the Russian state in formation of the national criminal legal system of the certain sovereign state - the Kyrgyz Republic is noted. With a research objective of emergence and development of the nature of legal institute of responsibility for smuggling the Kyrgyz Republic should reflect all historical stages of emergence of this

legal category in the criminal legislation that will allow creating more objective and systematized picture on this legal institute.

Keywords: smuggling; legal institute of responsibility; customs; criminal liability; customs duty; duty; customs right; responsibility for smuggling; Silk Road; customs; tamga tamgaluu - Tash; marasid; Becket; caravanserais; Bazhy; Salyk; zhukhana; tariff "washed"; the same place; Customs head; Commerce College; smuggling; Jogorku Kenesh

REFERENCES:

1. Bartol'd V.V. Izbrannye trudy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana.-B.: Sham, 1996. – 358s.
2. Bederov I. Iz materialov Muzeya pogranichnoy sluzhby. [Elektronnyy resurs]. rezhim dostupa: // www.2002.novayagazeta.ru 9 (data obrashcheniya13.02.2012)
3. V.I.Lenin i VChK. Sbornik dokumentov (1917–1922). -Moskva,1985.- 388s.
4. Ibragimov T.K. Tamozhennoe delo: uchebnik -B.: KNU.-2009.- 210 s.
5. Iskakov P.. Iz istorii tamozhennogo dela KR.- Bishkek.- 2003.- 365s.
6. Kislovskiy Yu. G. Istoriya tamozhni gosudarstva Rossiyskogo. - M., 1995.- 456 s.
7. Kozhonaliev S.K. Obychnoe pravo kyrgyzov. - Bishkek, 2000.- 369s.
8. Nurbekov K. Istoriya gosudarstva i prava Kirgizskoy SSR.- Frunze: «Mektep», 1965. – 310 s.
9. Kozhonaliev S.K. Sud i ugovnoe obychnoe pravo kirgizov do oktyabr'skoy revolyutsii (1850 – 1917 g.). - Frunze, 1963.-451 s.
10. Rossiyskoe zakonodatel'stvo Kh – KhKh vekov: Teksty i kommentarii: V 9-ti tomakh / Pod red. i s predisl. O.I. Chistyakova. – T. 3: Akty Zemskikh soborov kontsa KhVI – nachala KhVII veka. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Akty Zemskikh soborov 50-kh godov (Otv. red. A.G. Men'kov). – M.: Yurid. lit. – 1985. – 511 s.

11. UK Kirgizskoy SSR. – Frunze, 1960.- 568s.

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Козинец А.В. Определение времени поиска подвижного абонента при вызове в сети доступа с распределенным управлением // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 89-113. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415007.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 004 + 654

Определение времени поиска подвижного абонента при вызове в сети доступа с распределенным управлением.

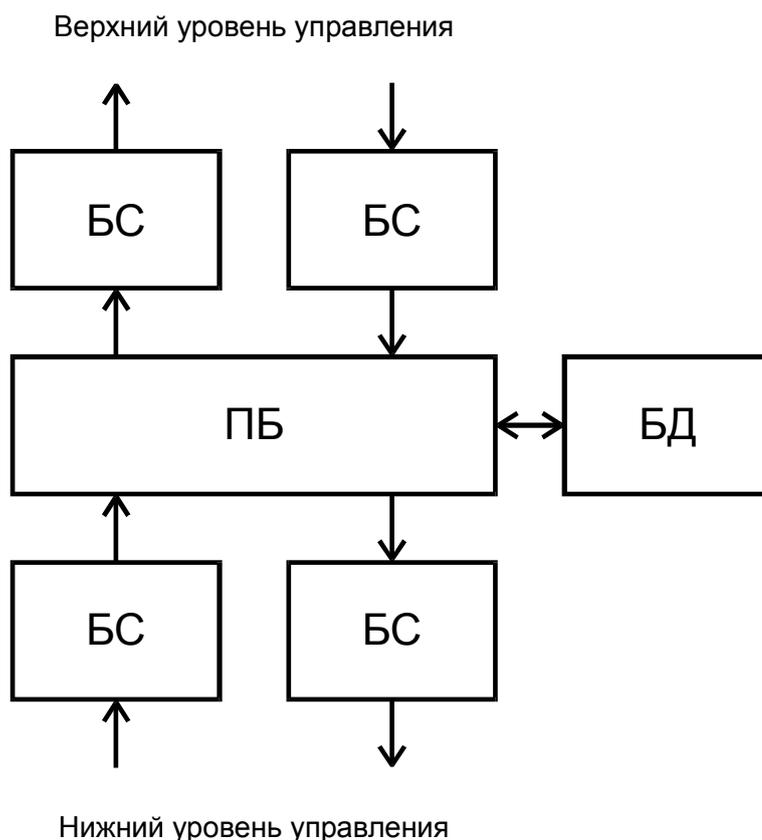
Козинец Артур Валерьевич
заведующий лабораториями кафедры информационных систем
Московский технический университет связи и информатики
125993, Москва, ул. Народного Ополчения, 32, каб.407
kozinets@mtuci2.ru

Аннотация. В статье рассмотрена задача поиска мобильного абонента при вызове в сети доступа с распределенным управлением. Построена модель открытой сети массового обслуживания (СеМО). При анализе работы отдельных систем массового обслуживания использована аппроксимация с отражением в нуле для каналов связи и с полупоглощением в нуле для процессоров поиска записи в базе данных о местоположении подвижного абонента. Выведены формулы для расчета среднего значения времени поиска мобильного абонента при вызове, а также среднеквадратического отклонения времени поиска.

Ключевые слова: поиск подвижных абонентов; база данных о местоположении; быстрый поиск; система массового обслуживания.

Теоретический анализ и практические измерения степени влияния на показатели производительности структурных составляющих интеллектуальной

сети показывают [1, 2, 3, 4], что фазы приема, обработки и передачи запросов на поиск подвижных абонентов вносят соизмеримый вклад в общую задержку при поиске подвижного абонента. Функционально-адекватной моделью интеллектуальной сети в части поиска подвижного абонента при вызове является открытая сеть массового обслуживания (СеМО). Иерархическая уровневая организация интеллектуальной сети и территориальная распределенность сети доступа определяют структуру открытой СеМО. Составными элементами открытой СеМО, моделирующей обработку запроса на поиск подвижного абонента в интеллектуальной сети, являются модели узлов интеллектуальной сети. Структурная схема узла управления интеллектуальной сети представлена на Рис. 1.

**Рис. 1. Структурная схема узла управления интеллектуальной сети.
Разработано автором.**

Рассмотрим состав и назначение блоков структурной схемы, а также порядок обработки запроса на поиск подвижного абонента. Блоки связи с нижним уровнем обеспечивают взаимодействие узла управления по каналам связи с контроллерами базовых станций (для узлов первого уровня) или узлами управления низлежащего уровня (для узлов уровней второго и выше). Блоки связи с верхним уровнем управления обеспечивают взаимодействие рассматриваемого узла управления по каналам связи с узлом управления следующего уровня. Процессорный блок осуществляет поиск записи, содержащей информацию о местоположении вызываемого подвижного абонента, в базе данных [1].

При вызове подвижного абонента формируется запрос на поиск вызываемого абонента и по каналу связи поступает на узел управления интеллектуальной сети. После получения запроса процессор поиска производит поиск записи, ассоциированной с вызываемым абонентом в базе данных. Если запись о местоположении вызываемого абонента находится в базе данных текущего узла управления, то после нахождения записи информация о местоположении вызываемого абонента передается к месту возникновения запроса, в противном случае – формируется запрос на поиск и передается на узел управления следующего уровня интеллектуальной сети.

Моделью узла управления для определения времени поиска подвижного абонента является открытая СеМО, состоящая из систем массового обслуживания (СМО), каждая из которых моделирует соответствующую фазу обработки запроса на поиск подвижного абонента. Модель узла управления интеллектуальной сети представлена на Рис. 2.

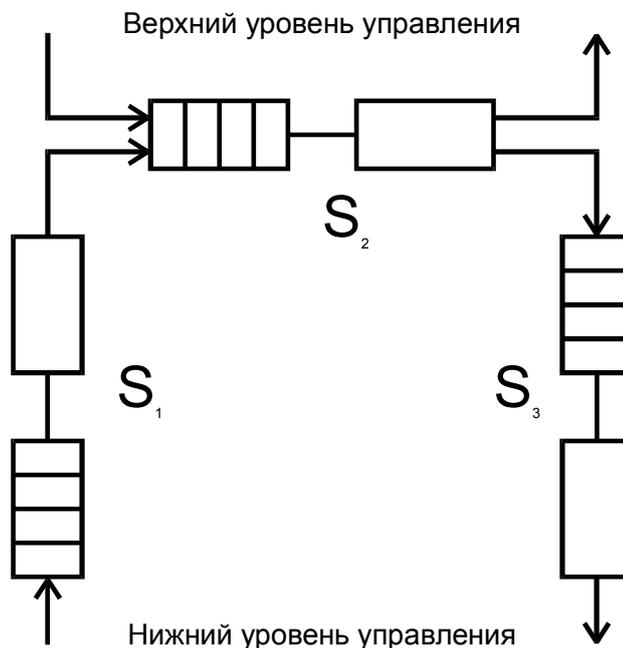

Рис. 2. Модель узла управления для определения времени поиска подвижного абонента. Разработано автором.

СМО с неограниченным накопителем S_1 моделирует прием по каналам связи запросов на поиск подвижных абонентов, осуществляемую блоками связи с нижним уровнем управления. Процедуру поиска записи в базе данных, содержащей информацию о местоположении вызываемого подвижного абонента, осуществляемую процессорным блоком, моделирует СМО с неограниченным накопителем S_2 . СМО с неограниченным накопителем S_3 моделирует передачу по каналам связи результатов поиска подвижного абонента, осуществляемую блоками связи с нижним уровнем управления. В модели узла отсутствуют системы, моделирующие передачу запросов на поиск подвижных абонентов на узел управления следующего уровня и прием результатов обработки этих запросов, осуществляемые блоками связи со следующим уровнем управления, так как задержка при передаче и приеме

учитывается в модели узла следующего уровня системами S_1 и S_3 соответственно.

Составными элементами открытой СеМО, которая моделирует интеллектуальную сеть, являются модели узлов управления интеллектуальной сети. Для двухуровневой интеллектуальной сети с тремя узлами управления на первом уровне и одним узлом на втором структура однородной открытой СеМО будет содержать три элемента, моделирующих узлы первого уровня. На вход каждого из них поступают соответствующие потоки запросов на установление соединения, т.е. запросов поиска подвижных абонентов. Определенная часть запросов после элементов, моделирующих узлы первого уровня, выбывает из системы. Оставшаяся же часть попадает с выходов этих трех элементов на вход четвертого, моделирующего работу единственного узла управления второго уровня интеллектуальной сети. Это та часть запросов на поиск подвижных абонентов, которые нуждаются в обслуживании на втором уровне интеллектуальной сети. С выхода этого элемента запросы распределяются на входы трех элементов, моделирующих узлы первого уровня.

Интеллектуальная сеть централизованной системы поиска абонентов представляет собой частный случай распределенной сети с одним уровнем иерархии и одним узлом управления. Следовательно, модель такой сети будет состоять из одного единственного элемента, моделирующего обработку запроса на поиск подвижного абонента в одном единственном узле управления.

Анализ потоков и очередей в модели интеллектуальной сети сводится к анализу потоков и очередей в открытой СеМО, где каждый узел сети адекватно отображает процессы в зависимости от фазы обработки запроса в интеллектуальной сети. Узлы интеллектуальной сети представляются открытыми СеМО, в которых каждый элемент взаимодействует с другими элементами (канал связи, база данных о местоположении, процессор поиска, процессор обновления базы данных) в соответствующем для него режиме,

передавая сообщение в реальном масштабе времени с фиксированным верхним пределом задержки либо большими массивами (коммутация каналов), либо осуществляя передачу пульсирующим трафиком (коммутация пакетов).

Даже при отсутствии информации о функции плотности распределения вероятности интервалов времени между поступлением внешнего потока заявок в сеть и о функции плотности распределения вероятности времени обслуживания заявки в СМО, образующих сеть, возможно нахождение временных характеристик обслуживания заявки сетью массового обслуживания. Существуют аналитические формулы, позволяющие вести расчет временных характеристик пребывания заявки в такой СеМО на основе временных характеристик пребывания заявки в СМО, объединенных в сеть. Эти формулы справедливы только для стационарного режима работы сети и дисциплины обслуживания в порядке поступления. В этом случае необходимо знать:

- два момента распределения интервалов между поступлениями внешнего потока заявок в сеть;
- два момента распределения времени обслуживания заявки в каждом из узлов сети;
- распределение потока запросов между узлами (матрица вероятностей переходов заявок при обслуживании).

Среднее время пребывания заявки в открытой сети (то есть среднее время поиска подвижного абонента) для стационарного режима определяется как математическое ожидание интервала времени от момента входа заявки в сеть до

момента выхода из сети и не зависит от номера заявки. Среднее время T_q пребывания заявки в открытой сети определяется по формуле [6]:

$$T_q = \sum_{i=1}^K \alpha_i T_{qi}, \text{ где} \quad (1)$$

α_i - i -й элемент вектора коэффициентов передач;

T_{qi} - среднее время пребывания заявки в i -й системе.

Вектор коэффициентов передач определяется через матрицу вероятностей передач заявок из системы в систему $P = (P_{ij})$, $i, j = 1, \dots, K$, и вектор вероятностей передач заявок от внешнего источника к узлам сети P_0 по формуле:

$$\alpha = (I - P^T)^{-1} P_0, \text{ где} \quad (2)$$

I - единичная матрица.

Таким образом, расчет среднего времени пребывания заявки в открытой сети сводится к вычислению среднего времени пребывания заявки в системах, связанных в открытую сеть и, в конечном счете, к нахождению двух моментов входящего в каждую систему потока и двух моментов потока обслуживания каждой системы. Функциональная зависимость среднего времени пребывания заявки в системе от характеристик входящего потока и потока обслуживания будет рассмотрена ниже.

Вектор интенсивностей входящих в каждую систему потоков определяется по формуле [7]:

$$\lambda = \lambda_0 \alpha = \lambda_0 (I - P^T)^{-1} P_0. \quad (3)$$

Квадрат коэффициента вариации интервалов времени между поступлениями заявок в каждый узел сети находится по формулам, определяющим прохождение потока через узел, при разделении потока после узла, при объединении потоков на входе узла [5].

Дисперсия времени пребывания заявки в открытой сети (дисперсия времени поиска абонента) для стационарного режима определяется как второй центральный момент интервала времени от момента входа заявки в сеть до момента выхода из сети и не зависит от номера заявки. Дисперсия σ_q^2 времени пребывания заявки в открытой сети определяется по формуле [6]:

$$\sigma_q^2 = \sum_{i=1}^K \alpha_i \sigma_{qi}^2 + \sum_{i=1}^K \sum_{j=1}^K \text{cov}(i, j) T_{qi} T_{qj}, \text{ где} \quad (4)$$

σ_{qi}^2 - дисперсия времени пребывания заявки в i -й системе,

T_{qi} - среднее время пребывания заявки в i -й системе,

α_i - элемент вектора коэффициентов передач, определяемый по (2),

$\text{cov}(i, j)$ - ковариации.

Ковариации вычисляются по следующей формуле:

$$\text{cov}(i, j) = \begin{cases} \alpha_i (2v_{ii} + 1 - \alpha_i) & , i = j; \\ \alpha_i v_{ij} + \alpha_j v_{ji} - \alpha_j \alpha_i & , i \neq j, \end{cases} \text{ где} \quad (5)$$

v_{ij} - элемент матрицы коэффициентов.

Матрица коэффициентов определяется по формуле [6]:

$$V = (v_{ij}) = (I - P)^{-1} P. \quad (6)$$

Таким образом, расчет дисперсии времени пребывания заявки в открытой сети сводится к вычислению среднего и дисперсии времени пребывания заявки в системах, связанных в открытую сеть и, в конечном счете, к нахождению двух моментов входящего в каждую систему потока и двух моментов потока обслуживания каждой системы, определение которых дано выше. Функциональная зависимость дисперсии времени пребывания заявки в системе от характеристик входящего потока и потока обслуживания будет рассмотрена ниже.

Максимальное время пребывания заявки в открытой сети (то есть максимальное время поиска подвижного абонента) определяется как такое время пребывания заявки в сети t_m , превышение которого допустимо лишь для заданной ограниченной части r от общего числа обслуженных заявок. Это определение формально записывается через интегральную функцию распределения вероятностей времени пребывания заявки в сети:

$$r = P\{w: t_q(w) > t_m\} = 1 - F_{t_q}(t_m). \quad (7)$$

Таким образом, максимальное время пребывания заявки в открытой сети t_m будет являться решением уравнения:

$$1 - r - F_{t_q}(t_m) = 0. \quad (8)$$

Однако, форма кривой распределения вероятности времени пребывания заявки с сети $F_{t_q}(t)$ нам не известна. Нам известны только среднее значение T_q и дисперсия σ_q^2 времени пребывания заявки в сети.

В ряде работ [5, 6, 7, 8] показано, что существенное влияние на показатели производительности сети оказывают лишь первые два момента распределения (среднее и дисперсия), а моменты высших порядков, определяющие собственно форму кривой распределения, оказывают незначительное влияние. В этой связи неизвестная функция распределения вероятности времени пребывания заявки в открытой СеМО может быть аппроксимирована функцией из класса двухпараметрических распределений вероятности [6] по двум моментам - среднему и дисперсии времени поиска.

Проведенный в работах [6, 7] анализ аппроксимации функции распределения вероятности показывает, что для распределений с различными значениями квадрата коэффициента вариации времени обслуживания $C_q^2 = \sigma_q^2 / T_q^2$ необходимо применение различных типов аппроксимирующих функций. Так, для распределений с $C_q^2 < 1$ при заданных среднем T_q и квадрате коэффициента

вариации C_q^2 времени обслуживания можно однозначно определить двухпараметрическую функцию для аппроксимации распределения вероятности времени обслуживания эрланговского типа (являющуюся частным случаем распределения Кокса C_2) с производящей функцией моментов следующего вида [7]:

$$M_{t_q}(s) = \frac{\lambda_1}{\lambda_1 + s} \cdot \left(\frac{\lambda_2}{\lambda_2 + s} \right)^{I-1}, \text{ где} \quad (9)$$

$$\lambda_1 = I \left[T_q \left(1 + \sqrt{(C_q^2 I - 1)(I - 1)} \right) \right]^{-1},$$

$$\lambda_2 = I \left[T_q \left(1 - \sqrt{(C_q^2 I - 1)/(I - 1)} \right) \right]^{-1},$$

$$I = \begin{cases} \left[1/C_q^2 \right] + 1 & \text{если } 1/C_q^2 - \text{ нецелое,} \\ 1/C_q^2 & \text{если } 1/C_q^2 - \text{ целое.} \end{cases}$$

Решая задачу обращения (9), получим выражение для функции распределения вероятностей в виде:

$$F_{t_q}(t) = 1 - \left(\frac{\lambda_2}{\lambda_2 - \lambda_1} \right)^{I-1} e^{-\lambda_1 t} + \frac{\lambda_1}{\lambda_2} e^{-\lambda_2 t} \sum_{k=0}^{I-2} \left[\left(\frac{\lambda_2}{\lambda_2 - \lambda_1} \right)^{I-1-k} \sum_{j=0}^k \frac{(\lambda_2 t)^j}{j!} \right]. \quad (10)$$

Если $C_q^2 \geq 1$, то при заданных среднем T_q и квадрате коэффициента вариации C_q^2 для аппроксимации распределения вероятности времени поиска можно применить двухпараметрическую функцию гиперэкспоненциального типа H_2 с производящей функцией моментов следующего вида [8]:

$$M_{t_q}(s) = \frac{2\varphi^2/T_q}{2\varphi/T_q + s} + \frac{2(1-\varphi)^2/T_q}{2(1-\varphi)/T_q + s}, \text{ где} \quad (11)$$

$$\varphi = \frac{1}{2} \left[1 - \sqrt{C_q^4 - 1} / (C_q^2 + 1) \right].$$

Решая задачу обращения (11), получим выражение для функции распределения вероятностей в виде:

$$F_{t_q}(t) = 1 - \varphi e^{-(2\varphi/T_q)t} - (1 - \varphi)e^{-(2(1-\varphi)/T_q)t}. \quad (12)$$

Объединяя результаты (10) и (12) с учетом (8) получим общий вид системы трансцендентных уравнений аппроксимирующих интегральную функцию распределения вероятностей времени обработки запроса на поиск подвижного абонента:

$$\left(\frac{\lambda_2}{\lambda_2 - \lambda_1}\right)^{l-1} e^{-\lambda_1 t_m} - \frac{\lambda_1}{\lambda_2} e^{-\lambda_2 t_m} \sum_{k=0}^{l-2} \left[\left(\frac{\lambda_2}{\lambda_2 - \lambda_1}\right)^{l-1-k} \sum_{j=0}^k \frac{(\lambda_2 t_m)^j}{j!}\right] - r = 0, \quad C_q^2 < 1, \quad (13)$$
$$\varphi e^{-(2\varphi/T_q)t_m} + (1 - \varphi)e^{-(2(1-\varphi)/T_q)t_m} - r = 0, \quad C_q^2 \geq 1.$$

Коэффициенты λ_1 , λ_2 , l , φ определяются через среднее значение T_q и квадрат коэффициента вариации C_q^2 времени поиска из выражений (9) и (11), r выражается в относительных единицах.

При анализе потока обслуживания элементов сети, моделирующей систему поиска подвижных абонентов при вызове, установлено: функция распределения вероятностей независимых интервалов обслуживания не является экспоненциальной. Поэтому применение простейших потоков как моделей в сетевых СМО с процессами, не являющимися пуассоновскими, приводит к возникновению значительных погрешностей при расчетах показателей производительности анализируемой сетевой системы [6]. Следовательно, анализ вероятностно-временных характеристик поиска подвижного абонента необходимо производить на базе более сложных моделей, например, моделей второго порядка [5, 7].

При анализе вероятностно-временных характеристик поиска подвижного абонента применены асимптотические диффузионные модели второго порядка [6]. Для расчета показателей производительности СМО с накопителем неограниченной емкости на основе диффузионной аппроксимации необходимо

знать среднее значение $1/\lambda$ и квадрат коэффициента вариации C_a^2 интервалов времени между поступлением заявок, а также среднее значение $1/\mu$ и квадрат коэффициента вариации C_s^2 длительности обслуживания заявки в системе.

Используем диффузионную аппроксимацию для расчета показателей производительности однопотоковой однолинейной СМО с накопителем неограниченной емкости и порядком обслуживания в порядке поступления заявок. Пусть $W(w, t)$, $Q(w, t)$ дискретные случайные процессы с непрерывным временем, определяющие, соответственно, число заявок w , ожидающих в буферном накопителе, и находящихся в системе (с учетом обслуживаемой заявки) в произвольный момент времени t .

Процессы $W(w, t)$ и $Q(w, t)$ связаны между собой следующим соотношением:

$$W(w, t) = Q(w, t) - u[Q(w, t)], \quad (14)$$

где $u[x]$ - единичная функция Хэвисайда:

$$u[x] = \begin{cases} 0, & x \leq 0, \\ 1, & x > 0. \end{cases}$$

Далее, пусть $A(w, t)$, $D(w, t)$ дискретные случайные процессы с непрерывным временем, определяющие, соответственно, число заявок, поступивших в систему и покинувших систему за произвольный интервал времени $(0, t)$. Нетрудно видеть, что $Q(w, t)$, $A(w, t)$, $D(w, t)$ связаны между собой следующим образом:

$$Q(w, t) = A(w, t) - D(w, t). \quad (15)$$

Примем в качестве модели потока входящих заявок и потока обслуженных заявок простой процесс восстановления. Тогда интервалы времени между поступлением заявок в буферный накопитель t_i и интервалы времени между обслуженными заявками будут взаимно независимые, неотрицательные,

одинаково распределенные случайные величины, средние значения и квадраты коэффициентов вариации соответственно равны $1/\lambda$, C_a^2 , $1/\mu$, C_s^2 .

Процесс $A(w, t)$ связан с процессом восстановления таким образом, что для любых t и n справедливо равенство:

$$P\{A(w, t) < n\} = P\{\tau_n(w) > t\}, \quad (16)$$

где τ_n - момент наступления n -й заявки равен сумме n интервалов времени между поступлениями заявок:

$$\tau_n = \sum_{k=1}^n t_k. \quad (17)$$

Опираясь на равенство (17), в [6] получено стационарное распределение $A(w, t)$ - приближенно нормальное с математическим ожиданием λt и дисперсией $\lambda C_a^2 t$. Этот же результат применим к процессу $D(w, t)$, который при большой нагрузке и большом t является приближенно нормальным с математическим ожиданием μt и дисперсией $\mu C_s^2 t$. Таким образом, при значениях нагрузки, близких к единице и большим t , распределение процесса $Q(w, t)$ будет приближенно нормальное со средним значением $(\lambda - \mu)t$ и дисперсией $(\lambda C_a^2 + \mu C_s^2)t$. Средняя скорость изменения длины очереди $[M\Delta Q(w, t)]/\Delta t$ и средняя скорость отклонения от этой величины $[D\Delta Q(w, t)]/\Delta t$ соответственно будут равны $(\lambda - \mu)$ и $(\lambda C_a^2 + \mu C_s^2)$. Для процесса $Q(w, t)$ возьмем в качестве аппроксимирующего непрерывный марковский процесс диффузионного типа $x(w, t)$, определяемый коэффициентом сноса $\beta = \lambda - \mu$, коэффициентом диффузии $\alpha^2 = \lambda C_a^2 + \mu C_s^2$ и подходящими граничными условиями.

Поскольку процесс $Q(w, t)$ не может принимать отрицательных значений, то для аппроксимирующего процесса $x(w, t)$ необходимо задать граничное условие, удерживающее его траекторию на неотрицательной полуоси. Этому требованию удовлетворяют два типа граничных условий - отражение и

полупоглощение на границе допустимых значений. В первом случае предполагается отсутствие периодов пребывания на границе. Во втором случае предполагается существование случайного интервала времени нахождения (задержки) на границе. Отражение соответствует случаю СМО, в которой отсутствуют периоды простоя (на пример канал связи). Полупоглощение - случай СМО, в которых существуют периоды простоя (на пример процессор поиска записи в базе данных). Имеет место теорема сходимости [6], из которой следует, что стационарное распределение числа заявок в рассматриваемой СМО может быть приближенно аппроксимировано стационарным распределением построенного таким образом диффузионного процесса, одномерная плотность которого $p(x)$ может быть найдена из прямого дифференциального уравнения Колмогорова параболического типа.

Рассмотрим дифференциальные уравнения Колмогорова параболического типа и их решения, соответствующие различным вариантам граничных условий.

Для модели с отражением в нуле стационарное значение плотности распределения числа заявок в системе $p(x)$ является решением дифференциального уравнения:

$$\frac{1}{2}\alpha^2 \frac{d^2}{dx^2} p(x) - \beta \frac{d}{dx} p(x) = 0, \quad (18)$$

с граничным условием:

$$\lim_{x \rightarrow 0} \left[\frac{1}{2}\alpha^2 \frac{d}{dx} p(x) - \beta p(x) \right] = 0. \quad (19)$$

Вывод уравнения (18) приведен в работе [6]. Решая систему дифференциальных уравнений (18) и (19) находим плотность распределения числа заявок в системе:

$$p(x) = \frac{2|\beta|}{\alpha^2} \exp\left[-\frac{2|\beta|x}{\alpha^2}\right], \quad \beta < 0, \quad 0 \leq x < \infty. \quad (20)$$

Из модели с отражением можно получить решение для модели с полупоглощением не прямым методом составления и решения дифференциального уравнения Колмогорова, а модификацией решения (20). Для этого число заявок в системе в стационарном состоянии представим случайной величиной смешанного типа, плотность которой равна сумме двух слагаемых, первое из которых определяет вероятность отсутствия заявки в системе (наличие задержки на границе), второе - непрерывное распределение числа заявок в состоянии занятости:

$$p(x) = (1 - \rho)\delta(x) + \rho \frac{2|\beta|}{\alpha^2} \exp\left[-\frac{2|\beta|x}{\alpha^2}\right], \quad \beta < 0, \quad 0 \leq x < \infty, \quad \text{где} \quad (21)$$

$\delta(x)$ - δ -функция Дирака.

Для модели с полупоглощением в нуле стационарное значение плотности распределения числа заявок в системе $p(x)$ является решением дифференциального уравнения:

$$\frac{1}{2}\alpha^2 \frac{d^2}{dx^2} p(x) - \beta \frac{d}{dx} p(x) = -\lambda p_0 \delta(x-1), \quad (22)$$

с граничными условиями:

$$\lim_{x \rightarrow 0} \left[\frac{1}{2}\alpha^2 \frac{d}{dx} p(x) - \beta p(x) \right] = \lambda p_0, \quad \text{где} \quad (23)$$

$$\lim_{x \rightarrow 0} p(x) = 0,$$

p_0 - вероятность нахождения процесса в нуле; $1/\lambda$ - среднее значение экспоненциальной случайной величины времени задержки на границе.

Решение системы уравнений (22) и (23), удовлетворяющее условию непрерывности при $x=1$, имеет вид:

$$p(x) = (1 - \rho) \delta(x) + p_1(x), \quad (24)$$

$$p_1(x) = \begin{cases} \rho \left[1 - \exp\left(-\frac{2|\beta|x}{\alpha^2}\right) \right], & 0 \leq x < 1, \quad \beta < 0, \\ \rho \left(\exp\left(\frac{2|\beta|}{\alpha^2}\right) - 1 \right) \exp\left(-\frac{2|\beta|x}{\alpha^2}\right), & 1 \leq x < \infty, \quad \beta < 0, \end{cases}$$

$$p_0 = p\{x(w) = 0\} = 1 - \rho.$$

Аппроксимацию дискретного процесса числа заявок в системе $Q(w, t)$ непрерывным процессом $x(w, t)$ можно рассматривать как в смысле распределений плотности вероятности, так и в смысле моментов. Для случая аппроксимации в смысле распределений в качестве стационарного распределения числа заявок в СМО берем величины вероятностей нахождения n заявок в системе p_n , определяемые по формуле:

$$p_n = p\{Q(w) = n\} = p\{x(w) \in [n-1, n]\} = \int_{n-1}^n p(x) dx, \quad n = 1, 2, \dots \quad (25)$$

Для модели аппроксимирующего диффузионного процесса с отражением, после подстановки значений коэффициентов сноса β и диффузии α в (20) и интегрирования, получим распределение в виде ряда:

$$p_n = \begin{cases} 0, & n = 0, \\ (1 - \hat{\rho})\hat{\rho}^{n-1}, & n = 1, 2, \dots \end{cases} \quad (26)$$

$$\hat{\rho} = \exp\left[-2 \frac{1 - \rho}{C_s^2 + C_a^2 \rho}\right].$$

По известному распределению (формула 26) для модели с отражением найдем среднее время пребывания заявки в системе:

$$T_q = \frac{1/\mu}{\rho(1 - \hat{\rho})} [1 - \rho(1 - \hat{\rho})] + 1/\mu. \quad (27)$$

Так как стационарная вероятность отсутствия заявки p_0 в системе для случая с полупоглощением равна $(1 - \rho)$, то выражение (26) корректируется с учетом нормировки $\sum_{n=0}^{\infty} p_n = 1$. В результате получаем:

$$p_n = \begin{cases} (1 - \rho), & n = 0, \\ \rho(1 - \hat{\rho})\hat{\rho}^{n-1}, & n = 1, 2, \dots \end{cases} \quad (28)$$

Стационарное распределение p_n числа заявок в СМО для модели аппроксимирующего диффузионного процесса с полупоглощением и модифицированным решением (21) совпадает со скорректированным решением (28) для случая модели с отражением.

Решение для случая аппроксимации диффузионным процессом с полупоглощением получается путем подстановки плотности распределения (24) в формулу (25).

Ряд распределения имеет вид:

$$p_n = \begin{cases} (1 - \rho), & n = 0, \\ \rho \left(1 + \frac{1}{\ln \hat{\rho}} - \frac{\hat{\rho}}{\ln \hat{\rho}} \right), & n = 1, \\ \rho \left(1 - \frac{1}{\ln \hat{\rho}} (1 - \hat{\rho})^2 \hat{\rho}^{n-2} \right), & n = 2, 3, \dots \end{cases} \quad (29)$$

Значение среднего времени пребывания заявки в СМО для стационарного режима определяется из ряда распределения вероятностей по формуле Литтла:

$$T_q = \left(\sum_{k=0}^{\infty} k p_k \right) / \lambda . \quad (30)$$

Для скорректированного приближения (28) получим приближенное выражение для времени пребывания заявки в системе:

$$T_q = \frac{1/\mu}{(1 - \hat{\rho})} \hat{\rho} + 1/\mu . \quad (31)$$

В случае процесса с полупоглощением (29) приближенное выражение для времени пребывания заявки в системе будет равно:

$$T_q = \frac{1/\mu}{1 - \rho} (0,5 C_s^2 + 0,5 C_a^2 \rho) + 1/\mu . \quad (32)$$

Можно, оставаясь в рамках непрерывной диффузионной аппроксимации положить, что моменты непрерывного процесса $x(w, t)$ приближенно равны моментам дискретного процесса $Q(w, t)$. В частности:

$$T_q = \left(\int_0^{\infty} x p(x) dx \right) / \lambda . \quad (33)$$

Для аппроксимации в смысле моментов и скорректированной плотности путем подстановки выражения (21) в (33) получим приближенное выражение для среднего времени пребывания заявки в СМО:

$$T_q = \frac{1/\mu}{1-\rho} (0,5C_s^2 + 0,5C_a^2\rho - (1-\rho)) + 1/\mu . \quad (34)$$

В случае процесса с полупоглощением (24) приближенное выражение для среднего времени пребывания заявки в системе будет равно:

$$T_q = \frac{1/\mu}{1-\rho} (0,5C_s^2 + 0,5C_a^2\rho - 0,5(1-\rho)) + 1/\mu . \quad (35)$$

Объединяя полученные выше результаты при различных методах аппроксимации процесса $Q(w,t)$ числа заявок в СМО непрерывным марковским процессом $\chi(w,t)$ с различными граничными условиями получим общий вид формулы расчета среднего значения времени пребывания запроса на поиск подвижного абонента в одном их элементов СеМО, являющейся моделью системы поиска подвижных абонентов при вызове.

Для однолинейной системы с рекуррентным поступлением заявок с известными средним значением $1/\lambda$ и квадратом коэффициента вариации C_a^2 интервалов между заявками, и длительностью обслуживания с известными средним значением $1/\mu$ и квадратом коэффициента вариации C_s^2 решение для среднего значения времени пребывания заявки в системе в общем виде определяется по следующей формуле:

$$T_q = \begin{cases} \frac{1/\mu}{1-\hat{\rho}} \hat{\rho} + 1/\mu; \\ \left(\frac{1/\mu}{1-\rho} (0,5C_s^2 + 0,5C_a^2\rho) - q \cdot 1/\mu \right) + 1/\mu \end{cases}, \text{ где} \quad (36)$$

$\rho = \lambda/\mu$ - коэффициент нагрузки;

$\hat{\rho} = \exp\left[-2 \frac{1-\rho}{C_s^2 + C_a^2\rho}\right]$ - удельный коэффициент нагрузки;

$q = 0; 0,5; 1; 0,5C_s^2$ - параметр, определяемый типом диффузионной аппроксимации полупоглощение или отражение, непрерывное или дискретное.

Рассмотрим теперь формулы для расчета дисперсии времени пребывания заявки в СМО с неограниченным накопителем при различных моделях аппроксимации потоков. Время пребывания в системе t_q равно сумме двух случайных величин - времени ожидания в очереди начала обслуживания t_w и времени обслуживания t_s : $t_q = t_w + t_s$. Учитывая независимость времени ожидания и времени обслуживания можно записать выражение для математического ожидания и дисперсии времени пребывания заявки в системе:

$$T_q = M[t_q] = T_w + 1/\mu, \quad (37)$$

$$\sigma_q^2 = D[t_q] = \sigma_w^2 + C_s^2 1/\mu^2. \quad (38)$$

Согласно основному результату теории систем при большой загрузке $\rho = \lambda/\mu$ плотность распределения вероятности времени ожидания приближенно описывается распределением экспоненциального типа [6]. Тогда для определения σ_w^2 будем искать плотность распределения вероятности времени ожидания обслуживания $p_w(t)$ в классе показательных функций, которые удовлетворяют условию:

$$T_w = \int_0^{\infty} t p_w(t) dt, \text{ где} \quad (39)$$

T_w - найдено ранее по (37) с учетом (36) исходя из диффузионной аппроксимации.

В случае модели с отражением и модифицированным решением (31) выражение для плотности распределения вероятности будет иметь вид [6]:

$$p_w(t) = (1 - \hat{\rho})\delta(t) + \hat{\rho}\mu(1 - \hat{\rho})\exp[-\mu(1 - \hat{\rho})t], \quad t \geq 0. \quad (40)$$

В этом случае выполняется условие (39) и дисперсия времени ожидания будет равна:

$$\sigma_w^2 = \frac{1/\mu^2}{(1-\hat{\rho})^2} (2-\hat{\rho})\hat{\rho}. \quad (41)$$

В случае модели с полупоглощением (32) выражение для плотности распределения вероятности будет иметь вид [6]:

$$p_w(t) = \mu(1-\hat{\rho}) \exp[-\mu(1-\hat{\rho})t], \quad t \geq 0, \quad \text{где} \quad (42)$$

$$\hat{\rho} = 1 - \frac{2(1-\rho)}{C_s^2 + C_a^2 \rho}.$$

Дисперсия времени ожидания выражается через плотность распределения вероятности и будет равна:

$$\sigma_w^2 = \frac{1/\mu^2}{(1-\rho)^2} (0,5C_s^2 + 0,5C_a^2 \rho)^2. \quad (43)$$

При аппроксимации в смысле моментов для скорректированного решения (34) плотность распределения вероятности будет иметь вид [6]:

$$p_w(t) = (1-\hat{\rho})\delta(t) + \hat{\rho}\mu(1-\hat{\rho}) \exp[-\mu(1-\hat{\rho})t], \quad t \geq 0, \quad (44)$$

В этом случае дисперсия времени ожидания равна:

$$\sigma_w^2 = \frac{1/\mu^2}{(1-\rho)^2} (0,5C_s^2 + 0,5C_a^2 \rho)^2 - 1/\mu^2. \quad (45)$$

В случае аппроксимации в смысле моментов и прямого решения (35) плотность распределения вероятности будет иметь вид [6]:

$$p_w(t) = (1-\hat{\rho})\delta(t) + \hat{\rho}\mu(1-\hat{\rho}) \exp[-\mu(1-\hat{\rho})t], \quad t \geq 0, \quad (46)$$

При этом дисперсия времени ожидания равна:

$$\sigma_w^2 = \frac{1/\mu^2}{(1-\rho)^2} (0,5C_s^2 + 0,5C_a^2\rho)^2 - 1/\mu^2. \quad (47)$$

Таким образом, для однолинейной системы с рекуррентным поступлением заявок с известными средним значением $1/\lambda$ и квадратом коэффициента C_a^2 вариации интервалов между заявками, и длительностью обслуживания с известными средним значением $1/\mu$ и квадратом коэффициента вариации C_s^2 решение для дисперсии времени пребывания заявки в системе в общем виде определяется по следующей формуле:

$$\sigma_q^2 = \begin{cases} \frac{1/\mu^2}{(1-\hat{\rho})^2} (1-\hat{\rho})\hat{\rho} + C_s^2 1/\mu^2; \\ \left(\frac{1/\mu^2}{(1-\rho)^2} (0,5C_s^2 + 0,5C_a^2\rho)^2 - \tilde{q}^2 \cdot 1/\mu^2 \right) + C_s^2 1/\mu^2 \end{cases}, \text{ где} \quad (48)$$

$\tilde{q} = 0; 0,5; 1$ - параметр, определяемый типом диффузионной аппроксимации полупоглощение или отражение, непрерывное или дискретное.

Необходимо особо подчеркнуть, что важную роль в минимизации ошибок аппроксимации играет выбор правильных характеристик аппроксимирующего процесса, а именно, граничных условий. Процесс с отражением в нуле хорошо моделирует поведение СМО, в которой отсутствуют периоды простоя. В нашем случае такими системами являются каналы связи. Процесс с полупоглощением в нуле хорошо моделирует поведение СМО, в которой существуют периоды простоя. В нашем случае такими системами являются процессоры поиска записи в базе данных на каждом узле интеллектуальной сети.

С помощью формул (36) и (48) можно рассчитать временные характеристики обработки запросов (среднее значение и дисперсию времени пребывания) в каждой из СМО, образующих открытую СеМО. Далее с помощью формул (1) и (4) найти среднее значение и дисперсию времени пребывания

заявки СеМО (времени поиска подвижного абонента при вызове), а из системы уравнений (13) найти максимальное время поиска для заданного числа абонентов. Расчет характеристик потока обслуживания (интенсивность и квадрат коэффициента вариации) для системы S_2 приведен в [9], а для систем S_1 и S_3 будет описан в дальнейшем.

Литература.

1. 3GPP TS 23.003 «Numbering, addressing and identification (Release 14) (version 14.1.0)». Valbonne, 2016.
2. CCITT. (Blue Book) Recommendation Series Q.1000. «Mobile Subscriber Search Order». Geneva, 1988.
3. Бонч-Бруевич А.М., Козинец А.В. Выбор метода организации базы данных о местоположении подвижных абонентов», Деп. науч. раб. в ЦНТИ "Информсвязь", 1998г.
4. Пикчур Б.Д. «Логическая структура баз данных интеллектуальной сети», доклад на научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава / М.: МТУСИ, 1997г.
5. Воронцов Ю.А. О влиянии формы распределения вероятностей на показатели производительности систем и сетей массового обслуживания. / Тезисы докладов XVII-й Международной школы-семинара по вычислительным сетям. - М.: ВИНТИ, 1992. - с. 140-144.
6. Воронцов Ю.А. Исследование и разработка методов расчета и оптимизации показателей производительности узлов коммутации и сетей передачи дискретной информации на базе асимптотических моделей второго порядка. / Диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук. - М.: МТУСИ, 1995.

7. Воронцов Ю.А. Диффузионная аппроксимация смешанных неоднородных сетей массового обслуживания. / Тезисы докладов XII-й всесоюзной школы-семинара по вычислительным сетям. Ч. 2. - М.: ВИНТИ, 1987. - с. 281-287.
8. Будущее сети мобильной связи 5G // Век качества. 2015. №2. С. 22-25
9. Козинец А.В. Расчет времени поиска информации о местоположении подвижного абонента в базе данных // Век качества. 2015. №3. С. ...

The mobile subscriber search time determination by a call on the access network with distributed control

Kozinets Arthur Valerievich

Head of laboratories of the Department of information systems

Moscow Technical University of Communications and Informatics

#32, Narodnogo Opolcheniya street, Moscow, 123993, Russian Federation

kozinets@mtuci2.ru

Abstract. The article presents the solution of the problem of determining the time of the search the location information of the movable subscriber. The formulas for calculating the average values of search time location information of the movable subscriber in the database and standard deviation of search time location information of the movable subscriber in the database. It is noted that the square of the coefficient of variation of the time search record in the database depends on the number of records in the database.

Key words: search of mobile subscribers; location database; quick search.

REFERENCES

1. 3GPP TS 23.003 «Numbering, addressing and identification (Release 14) (version 14.1.0)». Valbonne, 2016.
2. CCITT. (Blue Book) Recommendation Series Q.1000. «Mobile Subscriber Search Order». Geneva, 1988.
3. Bonch-Bruevich A.M., Kozinets A.V. Vybor metoda organizatsii bazy dannykh o mestopolozhenii podvizhnykh abonentov», Dep. nauch. rab. v TsNTI "Informsvyaz", 1998g.
4. Pikchur B.D. «Logicheskaya struktura baz dannykh intellektual'noy seti», доклад на научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава / М.: MTUSI, 1997g.
5. Vorontsov Yu.A. O vliyaniy formy raspredeleniya veroyatnostey na pokazateli proizvoditel'nosti sistem i setey massovogo obsluzhivaniya. / Tezisy dokladov XVII-y Mezhdunarodnoy shkoly-seminara po vychislitel'nym setyam. - М.: VINITI, 1992. - s. 140-144.
6. Vorontsov Yu.A. Issledovanie i razrabotka metodov rascheta i optimizatsii pokazateley proizvoditel'nosti uzlov kommutatsii i setey peredachi diskretnoy informatsii na baze assimptoticheskikh modeley vtorogo poryadka. / Dissertatsiya na soiskanie uchennoy stepeni doktora tekhnicheskikh nauk. - М.: MTUSI, 1995.
7. Vorontsov Yu.A. Diffuzionnaya approksimatsiya smeshannykh neodnorodnykh setey massovogo obsluzhivaniya. / Tezisy dokladov XII-y vsesoyuznoy shkoly-seminara po vychislitel'nym setyam. Ch. 2. - М.: VINITI, 1987. - s. 281-287.
8. Budushchee seti mobil'noy svyazi 5G // Vek kachestva. 2015. №2. S. 22-25
9. Kozinets A.V. Raschet vremeni poiska informatsii o mestopolozhenii podvizhnogo abonenta v baze dannykh // Vek kachestva. 2015. №3. S. ...

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Казакова Н.Е. Полипрофессионализм как фактор повышения качества рабочей силы в условиях становления национальной системы профессиональных квалификаций // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 114-124. Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/415008.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 331.54 + 378.046.4

**Полипрофессионализм как фактор повышения качества рабочей силы
в условиях становления национальной системы профессиональных
квалификаций**

Казакова Наталья Евгеньевна
кандидат психологических наук,
доцент,
проректор ОЧУ ДПО
Международный институт качества бизнеса,
123423, Москва, ул. Народного ополчения, д.32,
aloyf@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема полипрофессионализма в период перманентных изменений в сфере занятости в контексте современной социально-экономической ситуации. В работе предпринята попытка доказать актуальность психолого-акмеологических исследований полипрофессионализма в условиях разработки национальной системы квалификаций и обновления профессиональных стандартов, определяется место и роль полипрофессиональных компетенций на современном рынке труда, доказываемая актуальность детальной разработки системной классификации полипрофессионализма.

Впервые данный материал представлен для обсуждения научной общественности на II межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: теория,

методология, практика материалы», прошедшей в Институте управления и права 17-18 декабря 2015 года.

Ключевые слова: рабочая сила; профессионализм; профессиональная квалификация; полипрофессионализм; профессиональная компетенция; профессиональная деятельность; субъект труда; профессиональное развитие; непрерывное образование; повышение квалификации

Состояние современного российского общества характеризуется глубокими системными изменениями в сфере занятости. Они вызваны, в первую очередь, смещением приоритетов экономики из производственной отрасли в область обрабатывающей и добывающей промышленности, а также все большим развитием сектора инновационных технологий и разработок, занявшего в настоящий момент значительную нишу и привлекающего в свои ряды все больше рабочей силы, высококвалифицированных и подготовленных кадров. Одновременно с этим в обществе назрело понимание того, что ставшая традиционной в подготовке кадров парадигма морально устарела не только для высокотехнологичных областей, где отставание особенно заметно, но и для традиционной экономики. Изжила себя сложившаяся за последние 25 лет тенденция в ориентации молодежи на получение гуманитарного, экономического, юридического образований как фактора, обеспечивающего профессиональную и личностную успешность. Совместными усилиями государства и общества возвращается авторитет технических специальностей, получают поддержку направления обучения, связанные с развитием техники и технологий.

В этой связи становление и развитие Национальной системы квалификаций объявлено одним из наиболее важных направлений государственной политики в сфере подготовки высококвалифицированных кадров [1]. Руководство процессом пересмотра квалификационных требований

к специалистам и профессиональным кадрам фактически взял на себя Президент Российской Федерации. С апреля 2014 г. создан и активно функционирует Национальный совет при Президенте РФ по профессиональным квалификациям. Совет призван объединить и возглавить усилия представителей всех слоев общества в решении вопросов развития национальной системы профессиональных квалификаций. Результатом работы Национального совета стало формирование законодательной базы с целью развития национальной системы квалификаций, разработка и введение в действие нового реестра областей и видов профессиональной деятельности, формирование Советов по профессиональным квалификациям в соответствующих профессиональных областях, а также трансформация понятийного аппарата в сфере профессиональной занятости. Так, на смену понятию «должностные обязанности» пришло понятие «трудовые функции» (при этом сохранилось понятие «должностные инструкции»), а «знания, умения и навыки» заменены на «уровень квалификаций» и «требования к компетенции» работников.

Одновременно с этим формирование согласованной позиции бизнес-сообщества с государственными и негосударственными структурами, реализующими государственную политику по формированию национальной системы квалификаций и развитию качества рабочей силы, возложено на созданное еще в 2006 г. Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) Национальное агентство развития квалификаций.

В «Макете профессионального стандарта» Национального агентства развития квалификаций РСПП квалификация определена, во-первых, как готовность работника к качественному выполнению конкретных функций в рамках определенного вида трудовой деятельности, а во-вторых, как официальное признание (в виде сертификата установленного образца) основных компетенций, соответствующих требованиям к выполнению трудовой деятельности в рамках конкретной профессии/специальности

(требования профессионального стандарта).

В настоящий момент идет активное пополнение реестра профессиональных стандартов, пересматриваются существующие и разрабатываются новые профессиональные стандарты. В эту деятельность включены практически все слои общества - от органов государственной власти и субъектов Российской Федерации в лице министерств и федеральных агентств до объединений работодателей (некоммерческих партнерств и союзов), а также общественные организации и конкретные предприятия. На государственном уровне приняты Национальная технологическая инициатива и стратегическая инициатива «Кадровое обеспечение промышленного роста».

Несмотря на столь активную деятельность в области изменения подходов к профессиональным квалификациям работников на государственном уровне ее реальные результаты остаются достаточно размытыми. Выступая на Всероссийском форуме «Национальная система квалификаций России. Практические шаги системных изменений» в декабре 2015 г., представитель учрежденного Правительством РФ Агентства стратегических инициатив Д. Песков доложил о результатах соревнований по профессиональному мастерству по методике WorldSkills в России. Анализ, проведенный по 50 профессиям, показал, что степень соответствия лучших российских участников чемпионата среднемировому уровню составляет менее чем 30% [2].

Вместе с тем, в обществе растет спрос на высокопрофессиональных работников, имеющих одновременно разнообразные компетенции, обладающих квалификациями в различных областях деятельности, быстро адаптирующихся к изменениям экономической ситуации и рынка труда, готовых к постоянному самосовершенствованию и повышению квалификации. По аналитическим данным Группы компаний HeadHunter (hh.ru), одного из лучших онлайн-ресурсов на рынке интернет-рекрутмента, из 523 российских компании более 60% в 2016 г. предполагают сменить парадигму работы с персоналом, перейти от подбора и адаптации сотрудников к оценке их эффективности, обучению и

переобучению [3].

Современный рынок труда характеризуется возрастанием доли высокотехнологичных, интегрированных и сложно совмещенных видов деятельности, для успешного выполнения которых необходимо наличие различных компетенций. Совокупность компетенций в различных областях профессиональной деятельности является основным признаком полипрофессиональной деятельности. Вхождение России в общеевропейское образовательное пространство, реализация Государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 гг. и плана мероприятий «дорожной карты» актуализировали, на наш взгляд, проблему полипрофессионализма деятельности. В настоящее время существует потребность в продуктивных специалистах, осуществляющих научный трансфер идей в профессиональной деятельности [4]. Данные изменения подходов к пониманию профессиональной деятельности требуют глубокого научного осмысления, делают особенно актуальным решение проблемы полипрофессионализма субъекта труда. Проблема профессионализма деятельности субъекта находит отражение во многих экономических и психолого-акмеологических исследованиях.

Сегодня достаточно широко представлен анализ психолого-акмеологического содержания понятия профессионализм, исследованы акмеологические концепции развития профессионализма личности и деятельности в различных областях. Акмеология позволяет выявить зависимость между уровнями профессионализма и продуктивности созидательной деятельности личности и факторами, способствующими или препятствующими реализации созидательных возможностей на пути к вершинам творческого роста и творческой деятельности. Согласно Н.В. Кузьминой, развитие продуктивной компетентности связано с процессами целеполагания [5]. Полипрофессионализм характеризуется наличием различных, но согласованных целей, для успешного достижения которых необходима не просто профессиональная компетентность, а множество

компетенций. Данное требование вполне согласуется с требованием, предъявляемым современной экономикой к качеству рабочей силы.

На настоящий момент оценка работника с позиции полученного образования или наличия одной определенной продемонстрированной квалификации себя фактически изжила. Понятие качества рабочей силы характеризуется как совокупность личностных качеств работника, профессиональной квалификации, развитых способностей к труду и условий реализации этих способностей. Сегодня качество рабочей силы - это не просто совокупность свойств личности, проявляющихся в процессе труда и включающих в себя квалификационный комплекс, трудовую активность, личностные характеристики работника (физические данные, умственные способности, инициативность, креативность) [6], но и мотивируемость, целеполагание личности как субъекта труда.

Современное общество демонстрирует все возрастающий запрос на высокую профессиональную компетентность субъекта труда, высокую профессиональную квалификацию рабочей силы во всех её проявлениях. Удовлетворение этого запроса чаще всего связано с изменением условий формирования специалиста как субъекта труда[7]. Решающую роль в развитии высококачественной рабочей силы следует, на наш взгляд, отвести непрерывному профессиональному образованию. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», понятие «непрерывное образование» как право гражданина Российской Федерации на образование в течении всей жизни впервые нормативно закреплено на уровне федерального закона.

Включенные в систему непрерывного образования дополнительные профессиональные образовательные программы в обязательном порядке должны учитывать, как обязательные профессиональные стандарты, так и должностные обязанности, квалификационные требования по соответствующим должностям, профессиям, специальностям. При этом

установление федеральных государственных требований, федеральных государственных образовательных стандартов в отношении дополнительных профессиональных программ не предусматривается. Однако предполагается, что программы дополнительного профессионального образования будут демонстрировать инновационное содержание, отличаться практической направленностью обучения, носить прикладной характер, учитывать требования корпоративной культуры и корпоративной этики заказчика. Кроме того, при приобретении новых знаний и умений, при освоении дополнительных образовательных программ должна учитываться интеграция целей развития профессиональных компетенций профессиональной деятельности [8].

Данные изменения в подходах к пониманию профессионального развития и профессионального обучения обусловлены, в первую очередь, необходимостью повышения эффективности подготовки кадров для целей определения целесообразности программ структурной перестройки экономики, расширения производства товаров и услуг, обеспечения их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках. При реализации обозначенных подходов, на наш взгляд, становится необходимым определение акмеологических основ профессиональной квалификации, а также акмеологических факторов при повышении и получении новой квалификации, переподготовки работников в условиях интеграции различных специальностей. Именно поэтому системная квалификация полипрофессионализма может быть использована при разработке профессиограмм и полипрофессиограмм специалистов в различных областях деятельности: науки, техники, искусства, при работе с учащимися, студентами и аспирантами, а также при подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров по интегрированным и совмещенным специальностям.

При разработке проблем полипрофессионализма необходимо учитывать следующие факторы: в определении понятия «полипрофессионализм» мы исходим из греческого определения «*poli*» – множество и латинского

«professio» – область деятельности. Мы признаём, что совокупность данных характеристик есть не просто различные знания, умения и навыки, используемые одним человеком при выполнении не сходных профессиональных функций, но, в первую очередь, функциональная система взаимного воздействия различных проявлений характерных особенностей профессиональной деятельности (подсистем) [9].

Проведенный нами анализ вопросов профессионального формирования личности, психологических проблем профессиональной пригодности, обстоятельств возникновения, развития и продуктивности функционирования полипрофессиональной деятельности позволил выявить характерные особенности полипрофессионализма и представить системную классификацию полипрофессионализма, содержащую такие понятия, как виды, типы, формы.

Обратившись к систематизации типичных проявлений и характерных особенностей полипрофессионализма, мы сумели выявить профессионализм творческий и нетворческий; внутридисциплинарный и междисциплинарный; взаимодействующий, эклектический, антагонистический [10].

В условиях амбициозной государственной политики по развитию российской промышленности, прогрессивного роста высокотехнологичных отраслей, количества и сложности профессиональных задач, решаемых на стыке различных специальностей, внедрение в систему профессионального образования полипрофессиональных компетенций и разработка полипрофессиограмм специалистов является, на наш взгляд, особенно актуальным [11]. Таким образом, разработка системной классификации полипрофессионализма, определение взаимосвязей типов и видов полипрофессионализма с целью дальнейшей разработки профессиограмм и полипрофессиограмм специалистов в различных областях деятельности и внедрение их в современную науку и практику является актуальной научной задачей в целях повышения качества рабочей силы в условиях формирования национальной системы квалификаций.

Литература

- [1] Официальный сайт Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nspkrf.ru/about.html> – Дата доступа: 04.12.2015.
- [2] Официальный сайт Агентство стратегический инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asi.ru/news/43500> – Дата доступа: 13.12.2015.
- [3] Официальный сайт компании HeadHunter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hh.ru/article/306201>– Дата доступа: 15.12.2015.
- [4] Верниенко Л.В. Акмеологическое сопровождение развития полипрофессионализма будущего специалиста// Акмеология СВ № 3-4/2014 С. 51-52
- [5] Кузьмина Н.В. О всеобщем акмеологическом законе развития продуктивной компетентности в сфере образования// Научные труды Северо-Западного института управления. 2013. Т. 4. № 4 (11). С. 232-236.
- [6] Симонова М.В. Повышение качества рабочей силы – основа кадрового развития // В сборнике: Развитие института резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации как вызов времени и эффективный инструмент совершенствования государственной кадровой политики Сборник статей Межрегиональной научно-практической конференции (9 октября 2014 г., г. Самара). Самара, 2014. С. 224-229.
- [7] Казакова Н. Мониторинг в сфере дополнительного профессионального образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2006. № 5. С. 22-24.
- [8] Золотарева Н.М. Приоритеты государственной политики в сфере непрерывного образования взрослых. // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2014. № 3 (9). С. 4-6.
- [9] Казакова Н.Е. Акмеологическое исследование полипрофессионализма психолога (На материале анализа жизни и творчества К. К. Платонова): Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Шуя, 2002.

[10] Казакова Н.Е. Полипрофессионализм деятельности выдающегося психолога -акмеолога К.К. Платонова. Шуя: Весть, 2002. С. 102.

[11] Казакова Н.Е. Проблема полипрофессионализма в условиях формирования национальной системы профессиональных квалификаций // В сборнике: Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: теория, методология, практика материалы II межрегиональной научно-практической конференции. 2015. С. 100-105.

**Polyprofessionalism as factor of improvement of quality of labor
in the conditions of formation of National system of professional qualifications**

*Kazakova Natalya Evgenyevna
Candidate of psychological sciences,
Associate professor,
Vice rector of OChU DPO
International institute of quality of business,
123423, Moscow, st. National militia, 32,
aloyf@rambler.ru*

Abstract. In article, the polyprofessionalism problem during permanent changes in the sphere of employment in the context of a modern social and economic situation is considered. In work an attempt to prove relevance the psikhologo-akmeologicheskikh of researches of polyprofessionalism in the conditions of development of national system of qualifications and updating of professional standards is made, the place and a role of polyprofessional competences in modern labor market is defined, relevance of detailed development of system classification of polyprofessionalism is proved.

For the first time this material is presented for discussion of scientific community at the II interregional scientific and practical conference "Urgent problems of modern humanitarian knowledge: the theory, methodology, practice

materials", taken place in Institute of management is also right on December 17-18, 2015.

Keywords: labor, professionalism, professional qualification, polyprofessionalism; professional competence, professional activity, subject of work, professional development, continuous education, professional development.

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <http://www.agequal.ru>

2015, № 4 http://www.agequal.ru/pdf/2015/AGE_QUALITY_4_2015.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Дружинин А.М. Стратегия обмена знаниями в цифровой экономике // Электронный научный журнал «Век качества». 2015. №4. С. 125-138. Режим доступа:
<http://www.agequal.ru/pdf/2015/415009.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 338.1

Стратегия обмена знаниями в цифровой экономике

*Дружинин Андрей Михайлович,
кандидат философских наук,
научный сотрудник кафедры
менеджмента и государственного управления,
НОУ ВПО Институт управления и права,
109559, г. Москва, ул. Ставропольская, д. 70, стр. 2
www-222@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности обмена знаниями в современной мировой экономике. Образовательный процесс представлен как необходимое звено экономических отношений. Выявлены новые риски, которые появляются в процессе переноса экономических отношений в виртуальное пространство. Обоснована важность методологии критического мышления в процессе взаимодействия субъектов в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровая экономика; экономика знаний; модернизация; корпоративный университет; дистанционное образование; дефрагментация экономики; демассификация; информационные технологии; коммуникация, манипуляция

В условиях санкций и экономического кризиса экономика России находится в поиске новых путей развития, снижающих долю сырьевого

экспорта. Ориентация на высокотехнологичные способы производства конкурентоспособной на мировом рынке продукции заложена в ряде государственных программ, где среди условий и характеристик грядущих позитивных изменений используется концепт «модернизация». Необходимо обратить внимание, что при обсуждении особенностей инновационного развития, даже объем понятия «модернизация», «экономика, основанная на знаниях», «цифровая экономика» постоянно нуждаются в уточнении, корректировке, а также методологическом анализе новых рисков [2, 3, 15, 17]. В концепции «экономики, основанной на знаниях», специфика которой еще в 60-е годы XX в. была сформулирована австрийским исследователем Ф. Махлупом, – информация признается основным средством производства [14]. В условиях такой экономики образовательный процесс, при схематичном рассмотрении, способен стать, некой точкой бифуркации, которая приводит в движение экономические отношения на всех уровнях.

Популяризаторы концепции «экономики, основанной на знаниях» К. Нордстрем, Й. Риддерстрале настаивают, что образовательный процесс должен быть персонифицированным и непрерывным [16]. Совершенно не достаточно один раз в жизни получить подобно прививке образование, подтвержденное соответствующим дипломом (сертификатом, документом). Устаревшие познания и опыт уже не дают прежних конкурентных преимуществ, что неизбежно порождает научный поиск и интенсивный образовательный процесс с целью приобретения новых теоретических и практических знаний. Не случайно все больший процент от доходов коммерческих организаций в современном мире инвестируется в обучение и повышение квалификации сотрудников. По данным компании Motorola каждый доллар, вложенный в образование, приносит \$33 прибыли.

Современные технологии (интернет, мобильные коммуникативные устройства) создали условия для нового подхода к транслированию знаний. Отмечается, что в первую очередь это различные дистанционные формы.

Например, Интернет-сайты многих образовательных учреждений уже содержат видеозаписи лекций наиболее авторитетных специалистов - исследователей. Все больше становится разнообразных «открытых веб-университетов», которые, в первую очередь, в качестве целевой аудитории рассматривает пользователей «всемирной паутины». Таким образом, пространство классических вузовских аудиторий расширяется, интегрируя самые передовые теории и практики их реализации.

«Экономисты знаний» отмечают, что обучение – это процесс, который длится всю жизнь: нет больше различий между учебой, работой и жизнью. Процесс современного обучения рассматривается как перманентная коммуникация, паузы в которой опасны безнадежным отставанием от конкурентов [3, 9, 12]. При этом основное требование, предъявляемое к образовательным технологиям – это способность быстро адаптироваться к новым направлениям в экономической деятельности. Скорость адаптации становится, пожалуй, наиболее важной характеристикой, обеспечивающей современному образовательному учреждению приток новых «клиентов» [15]. Однако в погоне за скоростью «модные» направления и специализации зачастую пренебрегают фундаментальными, теоретическими основами.

Разумеется, как и в индустриальную эпоху, экономика, основанная на знаниях, ориентирована на извлечение прибыли. В реалиях российского рынка, помноженного на изменившиеся под влиянием мирового кризиса правила игры, это должна быть максимально быстрая прибыль. Поэтому к «производителям знаний» выдвигается требование оперативного реагирования на запросы конечного потребителя [10]. Очевидно, что мотив быстрой прибыли создает объективные предпосылки для искусственного генерирования деструктивных практик, связанных с фальсификацией результатов научно-исследовательской деятельности, с имитацией образовательного процесса и других негативных явлений.

Исходным посылом для обсуждения различных аспектов экономики знаний в самом общем виде можно признать полемическое напряжение двух противоположных оценок постсовременного устройства социальной среды с точки зрения степени его упорядоченности и/или хаотичности. Как в России, так и за рубежом, происходит стремительное разрушение ценностных установок и нравственных ориентиров, характерных для индустриального общества. Снижается уровень капиталовложений в материальное производство, а одним из основных конкурентных преимуществ становится максимально высокий уровень мобильности капиталов, материальных и трудовых ресурсов. Причем мобильности на всех сферах: экономической, финансовой, социальной, географической, психологической и др., что вполне можно обобщить как мобильность коммуникативную. В этих условиях, с одной стороны, различные социальные институты становятся как бы ускользающими от сколь-нибудь вдумчивого анализа, поскольку быстро меняется сам предмет исследования. А, с другой стороны, попытки упорядочить этот хаос с помощью уже известных и проверенных моделей социального и коммуникативного взаимодействия может рассматриваться как опасный анахронизм, способный лишь усилить существующие конфликты интересов различных групп и слоев экономико-интеллектуального взаимодействия.

В то же время, говоря об обществе в целом, нельзя забывать, что современная социальная жизнь протекает в условиях нелинейности, характер проблем подвержен резкой смене. У многих индивидов возрастает эклектизм в представлениях об обществе, который создает непредсказуемость их поведения. Эти процессы свидетельствуют о крахе универсальных концепций, трактующих общественные явления. Демассифицированное общество со знаком «плюс» под воздействием неопределенного числа столь же неопределенного круга факторов весьма быстро становится фрагментарно-аморфным образованием [4]. При деструктивной политике

преобразований «мобильность» сопровождается разрушением любых видов долгосрочных отношений, что влечет за собой утрату веры в разумность и необходимость коллективных действий.

В этих условиях явление фрагментации и стратегию ее преодоления, предлагается рассматривать как масштабный коммуникативный проект, нацеленный на оптимизацию экономических отношений в области приращения интеллектуальных ресурсов. Следует, однако, оговориться, что экономическая фрагментированность является отдельной специфической проблемой, которая нуждается во взвешенном и последовательном анализе экономистов. Тем не менее, этот термин используется в современной философской практике при анализе общественных процессов.

Ряд исследователей, характеризуя текущую ситуацию, утверждают, что экономика России окончательно перестала быть единым народнохозяйственным комплексом [11]. Системность в управлении и функционировании окончательно утрачена. Основная черта современной ситуации - фрагментарность, которая носит всеобъемлющий и многоаспектный характер, т.е. экономика фактически распадается на отдельные компании и корпорации. И если есть возможность говорить об экономическом росте, то это очаговый рост, иначе – фрагментарный.

Преодоление этой проблемы, по всей видимости, связано с изменениями государственной политики в отношении предприятий и, прежде всего, в создании и изготовлении образцов наукоемкой интеллектуальной, требующей нестандартных творческих решений, продукции. Необходимо отметить, что жесткий административный контроль качества в процессе тиражирования продукции характерно для стран-иммитаторов, которые вынуждены оплачивать патенты и франшизы на интеллектуальную собственность других стран. Наиболее эффективным путем развития в современных условиях будет стимулирование потенций для завоевания статуса страны-инноватора. Этот процесс неизбежно связан с оптимизацией

всеми хозяйствующими субъектами возможностей взаимодействовать между собой в виртуальном пространстве [19, 20, 24]. Интенсификация подобных коммуникаций повлечет за собой позитивные изменения и в социально-политическом пространстве [6, 7].

В настоящее время, фрагментарность на экономическом микроуровне обусловлена несогласованностью процесса принятия решений из-за влияния разнонаправленных интересов и действий внутри организаций. Что касается макроэкономических факторов, одна из возможных стратегий – кооперация, координация, «сетевизация» и интеграция предприятий. Какую форму должна приобретать подобная интеграция? Какие институты экономики и общества должны координировать процессы корпоративного развития, отраслевого роста? Очевидно, окончательного ответа на эти вопросы пока не существует. Однако можно отметить, что организационно-управленческое знание, способное предложить варианты решения подобных проблем, обусловлено, общегуманитарным интеллектуальным багажом, определяющим, в терминологии Ю. Хабермаса, картину мира субъектов принимающего решение. Следовательно, эффективные способы управления экономикой и отдельными отраслями напрямую зависят от уровня и качества образовательного процесса [22]. По всей видимости, процессы дефрагментации экономики непосредственно связаны с организацией такого взаимодействия, где знания, вовлеченные в коммуникативный процесс (информационное общество), и обеспечат эту дефрагментацию. При этом возможные системообразующие понятия, методы, инструментарий и пока не существующие социальные институты нуждаются в изучении и приблизительном моделировании.

Канадский исследователь Н. Штер считает, что в глобальном сетевом обществе рост объемов знания ведет к усилению неопределенности и порождает новые риски. Поиск своего места в социуме, принятие стратегических решений относительно дальнейших действий, индивид

зачастую осуществляет исходя из информационно достоверного, но все же имплицитно фонового знания [21]. Осознание этих фоновых допущений происходит лишь в процессе коммуникаций, в процессе приложения таких знаний к чему-то за пределами индивидов. Ю. Хабермас называет подобное явление «хабитуализированным умением». При этом осознание и вербализация такого умения вызывает эффект «ускользания» предмета исследования. Дело в том, что обыденные представления не обладают методологическими возможностями для непротиворечивого объяснения происходящих процессов.

Проблема неопределенности знаний как таковых открывает возможности для злонамеренных манипуляций на интеллектуальном и, как следствие, символическом уровнях. В этой части статьи считаю необходимым представить ряд характеристик такого явления как манипуляция. Основная предпосылка манипуляторов проста: человек глуп, им легко управлять, он не обладает навыками критического мышления. Манипулятивный произвол стремится принять форму нормативных, а иногда и законодательных актов.

Почему проблема манипуляции столь важна для понимания специфики цифровой экономики? Очевидно, способ он-лайн взаимодействия оказывает сильнейшее влияние на взаимодействие хозяйствующих субъектов. По мнению А.И. Агеева и Е.Л. Логинова, окружающая нас экономическая реальность приобретает все более вероятностный характер, переходя из реально-материальной сферы в виртуальный контент [1]. В этих условиях основным императивом нового онтологического базиса развития мировой экономики становится «управление смыслами», обеспечивающее целеполагающее формирование системы выработки способов идентификации и интерпретации происходящего, служащих источником действий экономических агентов. Экономисты констатируют, что окружающая нас реальность приобретает все более вероятностный характер.

Управление множасьимися ветвями и вариантами реальности все чаще осуществляется в электронной форме в рамках инфокоммуникационных технологий, компьютерных сетей, систем, процессов, методов и моделей виртуального регулирования производственного процесса. «Управление смыслами» исследователи описывают более чем метафорично, но именно она определяет величину прибыли, капитализации, коммерческого успеха рыночных субъектов и макроэкономической устойчивости постиндустриальной экономики на всех уровнях управления, а также на уровне «коллективного бессознательного». Мировую финансовую систему аналитики характеризуют как отчуждение сконструированного образа базовых финансовых активов от их создателей и использование этих продуктов транснациональными банками и корпорациями. Среди способов манипулятивного конструирования образов базовых финансовых активов они называют динамику цен на золото, оценочные суждения относительно запасов сланцевого газа, рейтинги самых дорогих мировых брендов и др. Кто управляет смыслами, тот управляет базовыми конкурентными факторами, фактически форматируя в свою пользу глобальное социально-экономическое поле мирового сообщества, констатируют экономисты. Даже биржевая игра, по их мнению, происходит под влиянием скрытых технологий управления поведением акторов. В качестве перспективной задачи финансисты видят формирование электронно-контентной стратегии глобального управления через конструирование образа базовых финансовых активов. Такое конструирование они называют упреждающим реформатированием смысловых матриц, которые достались обществу от доиндустриальных моделей хозяйственного уклада.

В результате, в мировой экономике реальные объекты замещаются их смысловыми образами. Экономическая деятельность в итоге выглядит как коммуникация ее субъектов в процессе обмена и передачи этих образов. А современные финансово-хозяйственные практики целиком и полностью

подчинены логике коммуникативного взаимодействия ключевых игроков на рынке. При этом, чем больше отрыв виртуальных образов экономической активности наблюдается, тем выше вероятность ее развития по модели коммуникаций с деструктивными характеристиками. Развитие коммуникативной системы финансовых технологий происходит по полисегментной схеме, в ходе бестоварного обмена смыслами. В определенной степени сами смыслы уже становятся дорогостоящим товаром. В результате проводниками новой посткапиталистической системы перепродажи смыслов становятся в первую очередь электронные СМИ, способные в кратчайшие сроки формировать у аудитории нужные субъекту управления образы той или иной экономической ситуации [23]. Такие средства коммуникации становятся инструментами преодоления асимметрии существующих в настоящее время товарно-финансовых отношений. Виртуальное пространство сможет стать эффективным регулятором подобных взаимодействий только на основе доверия участников коммуникаций. В противном случае все возрастающий хаос будет усиливать смысловые образы неопределенности. Впрочем, именно эта неопределенность, по всей видимости, в настоящее время является одним из самых востребованных смысловых товаров в условиях доминирующих деструктивных коммуникаций. В некоторых случаях, например, в биржевых спекуляциях, человек и вовсе исчезает как субъект коммуникации или персона, принимающая решения. В торгах участвуют роботы, которые ежедневно совершают десятки тысяч сделок между собой, а процесс управления финансовыми потоками выхолащивается до программного алгоритма. Ситуация бессубъектности или «нулевой субъектности» в общественно-экономических отношениях — это следующий шаг, когда традиционные смыслы становятся элементами в глобальных манипулятивных коммуникативных процессах. Эти процессы следует рассматривать как деструктивный феномен, поскольку в процессе подобных

взаимодействий аудитория и отдельные индивиды играют роль средства достижения каких-либо внешних целей, а не самоценного субъекта.

Стремление снизить риск попадания под воздействие субъекта-манипулятора в условиях виртуальных экономических взаимодействий оправдано и возможно с помощью современных способов принятия решений, основанных на методологии критического мышления. Некоторые особенности подобных процедур содержатся в теоретико-практических рекомендациях, подробно приведенных в работах проф. Г.В. Сориной. По ее мнению, процедурам критического мышления, свойственна, прежде всего, практическая ориентация на особенности рассуждающего субъекта, в частности, на ошибки в его аргументации [18]. Разработка практических приложений критического метода анализа информации является актуальным направлением в научных исследованиях, ориентированных на междисциплинарные подходы. Представляется, что подобные разработки могут стать основой для образовательных программ, формирующих компетенции нового поколения «цифровых экономистов» и бизнесменов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеев А.И., Логинов Е.Л. «Управление смыслами» как основа комбинирования вероятностей экономической реальности // Экономические стратегии. 2014. Т. 16. № 1 (117). С. 16-25.
2. Азакова С.Б., Кабашова Е.В. Становление информационной экономики в современном обществе // Тенденции и перспективы развития статистической науки и информационных технологий сборник научных статей: посвящается Юбилею профессора кафедры статистики и информационных систем в экономике доктора экономических наук Рафиковой Нурии Тимергалеевны. МСХ РФ, Башкирский государственный аграрный университет. Уфа, 2013. С. 139–140.

3. Ахмедов А.Э., Шаталов М.А. Информация в системе принятия оптимальных управленческих решений // Инновационные подходы к решению социально экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества материалы I международной научно-практической конференции. 2015. С. 202–205.

4. Бауман. З. Индивидуализированное общество М. 2002. –217 с.

5. Буньковский Д.В. Процессный подход в управлении инвестиционными проектами // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2014. № 10. С. 18–21.

6. Войнов Д.А. Технологии политического диалога в интернет-пространстве // Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии/Сборник научных трудов. Выпуск 2. – М.: НОУ ВО «Институт управления и права», 2015. – С. 4–22.

7. Войнов Д.А. Креативность интернет-коммуникации как способ индивидуального политического участия граждан//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 117–126.

8. Галиакберова О.Ф., Кабашова Е.В. Сетевые общества обмена знаниями // Тенденции и перспективы развития статистической науки и информационных технологий сборник научных статей: посвящается Юбилею профессора кафедры статистики и информационных систем в экономике доктора экономических наук Рафиковой Нурии Тимергалеевны. МСХ РФ, Башкирский государственный аграрный университет. Уфа, 2013. С. 141–142.

9. Казакова Н.Е. Мониторинг состояния профессиональной подготовки специалистов строительного комплекса в условиях саморегулирования // Век качества. 2015. № 1. С. 36–38.

10. Казакова Н.Е. Мониторинг сфере дополнительного профессионального образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2006. № 5. С. 22-24.

11. Клейнер Г., Петросян Д., Беченов А. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике // Вопросы экономики. 2004, № 4. С. 25–41.
12. Козлова Н.А. Академическая мобильность как инструмент повышения конкурентоспособности и модернизации образования в условиях глобализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2011. № 28 (245). С. 87–71.
13. Кузовкова Т.А., Зоря Н.Е. Причины формирования новой модели бизнеса в сфере коммуникаций // Век качества. 2014. № 1. С.40–43.
14. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – М.: Прогресс, 1966. – 462 с
15. Мычка С.Ю., Шаталов М.А. Проблемы инновационного развития экономики России в современных условиях // Инновации и инвестиции: теория, методология, практика Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука». 2015. С. 47–51.
16. Нордстрем К., Й. Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. СПб. 2008.
17. Пугина Л.И. Формирование инновационных систем в современных условиях // Век качества. 2014. №2. С. 51–53.
18. Сорина Г.В. Проблемы критического мышления// Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2003. № 5. С. 97–110.
19. Смольянинова И.В., Ахмедов А.Э., Шаталов М.А. Совершенствование маркетинговой деятельности предприятия на основе развития коммуникативной политики // Территория науки. 2015. № 3. С. 129-133.
20. Шаталов М.А., Мычка С.Ю. Коммуникативная политика в системе маркетинговой деятельности предприятия // Новые направления маркетинговой политики хозяйствующих субъектов Международная научно-

практическая конференция, сборник научных трудов. НОО «Профессиональная наука»; Редакционная коллегия: Краснова Н.А., Гонова О.В., Шаталов М.А., Плесканюк Т.Н. 2015. С. 65–69.

21. Штер Н. Мир из знания // Социологический журнал. 2002. №2. С. 31–35.

22. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С-Пб. 2001. – 377 с.

23. Харламова И.Ю. Продвижение при помощи вирусного маркетинга // Современные информационные технологии. 2009. № 10. С. 92–94.

24. Харламова И.Ю. Интегрированный подход к маркетинговым организациям // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 6. С. 110-114.

Knowledge - sharing strategy in the digital economy

*Andrey M. Druzhinin,
Candidate of philosophical sciences,
Research associate of department
Management and public administration,
Institute of Management and Law,
109559, Moscow, Stavropolskaya St., 70, p. 2
u www-222@yandex.ru*

Abstract. The article describes the features of the exchange of knowledge in the modern global economy. The educational process is presented as a necessary link in the current economic relations. New risks that occur in the process of transfer of economic relations in the virtual space have been identified. The importance of the methodology of critical thinking in the process of interaction between actors in the digital space has been justified.

Key words: digital economy, knowledge economy, modernization, corporate university, distance education, defragmentation economy, information technology, communication, manipulation.